

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ
АРГЕНТИНА
КРАБАТ

Аргентина

Андрей Валентинов

Аргентина. Крабат

«Фолио»

2017

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр-Рос)

Валентинов А.

Аргентина. Крабат / А. Валентинов — «Фолио»,
2017 — (Аргентина)

ISBN 978-966-03-7901-5

...Европа, 1936 год. Гитлер идет от успеха к успеху, на континенте расцветает «немецкая весна» – соотечественники спешат присоединиться к Рейху. Рушатся границы, по дорогам тянутся колонны вермахта, венец же всего – Олимпиада в Берлине. А перед ее началом над неприступной Северной стеной Эйгера должно взвиться знамя со свастикой. Горного стрелка Андреаса Хинтерштойсера никто не звал на Эйгер, но он все равно идет туда. Авантюрист Марек Шадов в горы не собирается, но им все равно суждено встретиться. Промерзшие склоны Эйгера, шпионский отель у его подножия, холодный пистолетный ствол у затылка...

УДК 821.161.1(477)

ББК 84(4Укр-Рос)

ISBN 978-966-03-7901-5

© Валентинов А., 2017

© Фолио, 2017

Содержание

Повсюду наши флаги будут реять скоро!	6
Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андрей Валентинов

Аргентина. Крабат

© А. Валентинов, 2017

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2017

* * *

Повсюду наши флаги будут реять скоро!

Подражание Вильяму Шекспиру и Бертольду Брехту

Бесноватый:

Судеты наши! Предков славных край, отторгнутый злодейскую рукою, сегодня возвращен. Но не войной – война мне ненавистна. Только волей немецкого народа! Как волна, из черной глубины до звезд поднявшись, сметает на пути своем преграды, так и восстание наших кровных братьев обрушило за час державу чехов, предателей и трусов, неспособных оружием защитить пределы края. Так пусть же бьются радостно сердца! Зима исчезла – и настало лето!..

Народ:

Победе – слава! Ныне – и всегда! Да здравствует победоносный фюрер!

Бесноватый:

Я принимаю вашу благодарность. Народа сын, познавший хлад и голод, я защищал наш Фатерлянд в окопах Войны великой, не жалея крови, и вражьей, и своей. Тогда мы были на нокот от Победы. Не вина бойцов отважных, что пришла Измена и нож вонзила в спину. Я упал, и мы упали все, но снова встали. Моя борьба! Мы начинали в полночь, немую, словно старая могила, и черную, как смертный приговор. А ныне ясный полдень светит нам! Свободен путь для наших батальонов, свободен путь для штурмовых колонн!..

Народ:

...Глядят на свастику с надеждой миллионы. День тьму прорвет, даст хлеб и волю он!

Бесноватый:

Так есть и будет! Путь великий наш продолжим смело. Прочный мир в Европе от Бреста до Урала – наша цель. И мы ее достигнем! Вижу я не Чехию, фантом затей версальских – Богемию, исконный немцев дом. Швейцария, обитель плутократов, народ немецкий ставит ни во что. Нам ли терпеть? Протянем братьям руку! А дальше – Мемель. Он – наследье предков, обильно землю кровью напитавших. Та кровь в сердцах – и в ваших, и в моем. В последний раз сигнал сыграют сбора! Любой из нас к борьбе готов давно...

Народ:

...Повсюду наши флаги будут реять скоро, неволе длиться долго не дано!

Бесноватый:

И пусть не лгут, что мы несем войну! Ее мы не хотим – но не страшимся. Французам – мир, когда не помешает нам Франция вступить в пределы наши. Не то ей кровью истекать, а нам, бичу Господня гнева, – покарать за гордость тех, кто на дороге встанет. Мир Англии, когда ее войска останутся на острове навеки. России – мир, но пусть забудет путь из Азии в Европу, и окно, царем Петром пробитое когда-то, прочнее заколотит. Миру – мир! Но если все враги, в безумье впав, обрушатся на нас – тогда и Небо подмогой нашей будет. И падет на землю вражью красная планета, взметнув потоки раскаленных магм. И Рагнарёк придет, и волк поглотит и Солнце, и Луну, неся отмщенье. Победе – слава! Да живет наш Рейх! Тысячелетний Рейх – мечта германцев!

Народ:

Победе – слава! Фюрер! Фюрер! Фюрер! Фюрер!¹

¹ Время действия книги – лето 1936 года. В нашей реальности Судетский кризис и последующие события произошли два года спустя. «Аргентина» – произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с истинной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер.

Глава 1

Ночь нежна

Женщина и тень. – Кому идти на Эйгер. – Общество Морских Купаний. – В Шварцкольме нет мельницы. – Побатальонно – в южные края. – «Я-а ста-а-арый профе-е-ессор!» – Париж остается Парижем. – Курц и «Kurz». – Что мы узнаем завтра?

1

...Ангел Смерти – никому не известно, каким будет его лицо. И когда он впервые приходит, его не могут узнать...

– Я хочу поскорее подружиться с твоей дочерью. Сколько ей уже? Десять?

– Десять. Совсем взрослая. Мне иногда даже страшно.

Море осталось далеко внизу. Гора, темный неровный склон, за ним – огни городских кварталов, светящаяся гирлянда кораблей в бухте. Еще дальше, над самым горизонтом – еле заметная полоска заката.

– Она научилась читать в четыре года. Пришлось прятать книги. Я долго уговаривала ее начать со сказок, а не с «Истории финансовой мысли» Зонненфельса. Уговорила... на свою голову.

– Надо подбирать правильные сказки!

День ушел, уходит и вечер. Мать-Тьма вот-вот неслышно шагнет из-за черных гор. Здесь же – пустое шоссе, запах остывающего асфальта, густой хвойный дух, ровный чистый гравий под ногами. Смотровая площадка – двадцать шагов на десять.

– Помнишь «Снежную королеву»? Да-да, Андерсена. Она прочитала и спросила: «Мама, а что дальше?»

– А что дальше? Кай и Герда вернулись домой, вспомнили любимый псалом про Христовы розы. Наверняка поженились, а потом жили долго и счастливо.

Авто – светлое лупоглазое чудище с трехлучевой звездой на капоте и серебристыми дудками-клаксонами². Мотор выключен, радио работает. Диктор читает новости, но слушателей нет. Пассажиры, он и она, отошли к самому краю, к неровной каменной балюстраде, нависшей над обрывом.

Слева он, она – справа.

– «Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло теплое, благодатное лето!»³ Наизусть помню. А моя дочь рассудила иначе. Герда быстро поняла, что Кай ей совершенно не нужен. Ей было интересно его искать – и не больше. А Каю стало очень скучно в маленьком провинциальном Копенгагене. В конце концов Герда вышла замуж за соседа-моряка и уехала в Америку, а Кай вернулся к Снежной Королеве, и они стали жить вместе... Когда дочь это придумала, ей было шесть лет.

На женщине – брючный костюм по последней моде: белые расклешенные брюки, приталенный черный пиджак, пестрый шейный платок (широкий узел, цветные квадратики вперемешку). На безымянном пальце левой, поверх тонкой ткани – массивное кольцо с черным египетским саркофагом. Мужчина... Его не разглядеть, неслышно шагнувшая из-за гор Мать-Тьма укрыла человека своим тяжелым пологом.

– Теперь ей десять. «Историю финансовой мысли» уже осилила?

² Все упоминаемые в тексте автомобили и мотоциклы не более чем авторский вымысел.

³ Здесь и далее сказка Г. Х. Андерсена «Снежная королева» цитируется в переводе А. В. Ганзен.

– Давно... Никак не уговорю ее бросить курить. Какой-то ужас! У нас в семье никто ни курит, ни я, ни муж...

Днем здесь фотографируют. Вечером и ночью – объясняются в любви. Лучшего места не сыщешь: пустое горное шоссе-серпантин, умирающий закат у самого горизонта, а над головами – неподвижный купол темных небес. Никто не помешает, ни Мать-Тьма, ни сама Смерть.

– Мальчишка тебя недостойн. Я не сделаю ему ничего плохого, но о тебе он забудет. Навсегда! Считай, что в тот вечер ты просто не пошла на концерт.

– «Серенады Джека Картера», второй ряд, седьмое место... Хочешь отменить Прошлое? А что взамен?

– Взамен? Старушки Европы уже мало? Но ты права, вдвоем мы способны на большее.

Обшитая темным бархатом коробочка – посреди широкой мужской ладони. Неяркий блеск золота высокой пробы.

– Кольца... Они очень красивые. Очень!

Женщина смотрит, но не прикасается, словно боясь спугнуть. Руки в легких белых перчатках лежат на теплом камне балюстрады.

Смерть не подает голоса – стоит рядом.

Слушает.

2

О Северной стене Эйгера не имело смысла даже мечтать.

Андреас Хинтерштойсер, горный стрелок и скалолаз-«категория шесть», понимал, что их с другом-приятелем Тони взгреют. Опоздали из увольнения, случился грех. Но не так же!

– Четыр-р-ре писсуар-р-ра в здании пер-р-рсонала, две убор-р-р-ные в пятом бар-р-раке и... и еще пол в офицер-р-рском казино, – добродушно прорычал обер-фельдфебель. – Не жмите кулаки, Хинтер-р-рштойсер-р-р, у меня пер-р-рвый р-р-разр-р-ряд по боксу. Это – ар-р-рмия, гор-р-рные стр-р-релки, здесь даже бавар-р-рцы начинают любить наш общий Фатер-р-рлянд. А для особо упер-р-ртых имеется тр-р-рибунал. Хочу напомнить – идет война⁴.

Кулаки Хинтерштойсер разжал. Язык прикусил. Рядом молчал Тони Курц, тоже «категория шесть» и тоже на свою голову – горный стрелок.

– Хор-р-рошей ночи, господа!

Обер-фельдфебель желтозубо оскалился. Немного подумал – и сплюнул на пол. Негромко хлопнула дверь.

...Sitzungssaal во всей красе, грязный пол, две лампочки под потолком, потрескавшийся кафель, ночь за окнами... Позавчера они взяли южную стену Унтерсберга – таинственной горы, в недрах которой спит, сидя за огромным каменным столом, Карл Великий. Каждый мальчишка в окрестностях Зальцбурга знает, что император проснется, когда его борода три раза обовьется вокруг стола, а над Унтерсбергом перестанут летать вороны. Южная стена – ночной кошмар скалолаза. Взяли! Опоздали из увольнения всего на каких-то полчаса...

– «Даже баварцы!» – разлепил губы Хинтерштойсер. – Verdammt Scheisse!⁵ Тупая прусская свинья!..

Курц поморщился:

– Он тебя провоцировал, Андреас. Трибунал пока не распустили, а война действительно идет.

– Ага, обгадились в Судетах по полной, пруссаки, scheiss drauf!

⁴ Здесь и далее будут приводиться цитаты из замечательного художественного фильма «Nordwand», режиссер Филипп Штёльцль.

⁵ Здесь и далее персонажи будут использовать obscene лексик, переводить которую автор не считает возможным.

Хинтерштойсер примерился к жестяному ведру, полному грязной черной воды, дрогнул сапогом... В последний момент раздумал: самим же убирать придется. Окинул взглядом «зал заседаний», поморщился:

– Сбегу!

Курц, взяв ведро, выплеснул в писсуар, тяжело шагнул к умывальнику. Кран тоскливо взвизгнул, забормотал невнятно.

– Куда сбежишь? В Дахау? И не ругайся, Андреас, это как раз прусская привычка.

Ругаться Хинтерштойсер больше не стал, но и отступать не собирался.

– На Эйгер сбегу!..⁶

Курц закрутил кран, взялся за холодную ручку ведра.

– Не смеши.

* * *

Две недели назад Тони Курц, почистив мундир и побрившись, взял свежий номер «Süddeutsche Zeitung» – и направился напрямик к командиру части полковнику Оберлендеру⁷. Утренние газеты порадовали очередной речью фюрера. Всё было вполне предсказуемо: Судеты станут германскими, Чехословакия – неудачная конструкция версальских архитекторов и потенциальный аэродром для Сталина, немцам же в предвидении тяжелых испытаний необходимо подтянуть пояса. Ближе к финалу рейхсканцлер заговорил о будущей Олимпиаде. В победе немецкой сборной фюрер не сомневался, но предлагал не ждать августа. Лучший подарок к началу игр – флаг со свастикой на вершине Эйгера. Северная стена должна стать немецкой! Храбрецы получают золотые олимпийские медали. Мать Германия ждет подвига от своих сыновей.

Командир части газету читать не стал, однако выслушал. Рядовой Тони Курц уложился в три минуты. Герр⁸ полковник недобро прищурился, но все же пообещал узнать подробности. Не обманул. Не только узнал, но и поделился, причем на этот раз в командирском кабинете присутствовали оба – и Тони, и Андреас.

Мать Германия и в самом деле ждала подвига от своих сыновей. Кандидатуры таковых уже утверждены в Берлине, причем на самом-самом верху. Горным же стрелкам Курцу и Хинтерштойсеру предлагалось не отвлекаться на посторонние предметы и усиленно заниматься боевой подготовкой. Одна из рот уже начала сборы к недалекой чешской границе.

Вопросы есть? Вопросов нет. Кру-у-у-гом! Шагом ма-а-арш!

– Им же послать некого! – Хинтерштойсер, с омерзением затянувшись, отправил окурочок напрямик в ведро с грязной водой. – Генрих Харрер смог бы, но у него травма. И вообще, он австриец. А кто еще остался из «категории шесть»? После того, как накрылись Седлмайер и Мехрингер⁹, все остальные хвосты поджали. А итальянцы команду готовят, и австрийцы готовят...

– И французы тоже, – невозмутимо согласился Курц. – Но кого-то все же нашли. Полковник намекнул, что из «черных», из парней Гиммлера.

Курили все в том же «зале заседаний», перебравшись ближе к распахнутому окну. Носом старались не дышать.

– Говорят, какая-то особая команда. Их называют «гэнгз» – «гангстеры»...

⁶ *Эйгер* (нем. *Eiger*) – горная вершина в Бернских Альпах высотой 3970 м над уровнем моря. В русском языке возможна также транскрипция «Айгер».

⁷ Реальная личность, известный альпинист.

⁸ Здесь и далее в некоторых случаях обращения «герр», «геррен», «фройляйн», «фрау», «синьор» оставлены без перевода.

⁹ *Макс Седлмайер* и *Карл Мехрингер*, альпинисты из Мюнхена, погибли при попытке взять Северную стену летом 1935 года.

– Эти могут, – хмыкнул Андреас. – Асфальтовые скалолазы!¹⁰ Брось, Тони, это несерьезно, идти надо тебе и мне. Если возьмем Норванд¹¹, нам все простят. Победителей не судят!

Хинтерштойсер оглянулся и на всякий случай перешел на шепот:

– Просимся в отпуск на... Да хоть... Хоть на свадьбу. Ты женишься, я – твой свидетель. И – к Эйгеру! Эх, жаль, денег мало, придется на велосипедах, вымотаемся в тряпочку... Ну и пусть! Это наш шанс, последний шанс, понимаешь?

Курц поглядел в темное окно.

– Иногда судят и победителей. Если не будем первыми, трибунал обеспечен. Но, знаешь, Андреас, не начальства я боюсь. Есть судья иной, нелицеприятный.

Хинтерштойсер недоуменно моргнул, но внезапно стал серьезным.

– Ты имеешь в виду... Эйгер?

– Да, Эйгер. Проклятый Огр!

3

Рука мужчины лежит на ее плече. Женщина не отодвигается, стоит ровно. Совсем рядом – каменная балюстрада, за нею обрыв, утонувший во тьме каменистый склон. Вдали – огни города, корабли в тихой бухте.

Вечернее тепло сменилось ночной прохладой, хвойный дух – запахом влажной земли. Говорит мужчина – черная тень. Женщина молчит, пальцы правой поглаживают кольцо-саркофаг. Смерть по-прежнему рядом, невидимая, безгласная.

– Наша штаб-квартира будет в Париже. На тебе все связи, все контакты...

Женщина кивает и внезапно оборачивается:

– Слышишь?

Мужчина смотрит назад, пожимает широкими плечами.

– Радио? Кажется, забыл выключить.

– Танго!

Сквозь ночь доносится еле слышный голос невидимой певицы. Слов не разобрать, и женщина начинает напевать сама:

В горних высях
звучат молитвы,
В адских безднах –
глухие стоны,
В женском сердце –
все арфы рая,
В женском сердце –
все муки ада...

Мужчина улыбается, гладит женщину по щеке. Она улыбается в ответ.

Путь мужчины –
огни да битвы,
Цель мужчины –
уйти достойным,
Где, скажите,

¹⁰ Эсэсовцев пренебрежительно именовали «асфальтовыми солдатами».

¹¹ *Норванд* (Nordwand) – Северная стена (нем.).

найти ему покой?
Ах, где найти покой?

Ее правая ладонь скользит вниз, ныряет в пиджачный карман. Мужчина не замечает, смотрит в ее глаза. Губы легко касаются губ.

А любовь
мелькает в небе,
Волну венчает
белым гребнем,
Летает и смеется,
и в руки не дается,
Не взять ее никак!
О Аргентина, красное вино!¹²

Уже не поет – шепчет. Губы вновь соприкасаются, ладонь в белой перчатке – левая, легко сжимает мужские пальцы.

– Погоди... Погоди! Ты хочешь... Хочешь услышать мой ответ?
– Да, – отвечают его губы. Женщина кивает, оборачивается в сторону обрыва.
– Хорошо! Стань, пожалуйста, рядом.
Он вновь справа, она – слева. Позади – горы, впереди – горный склон.
– Наклонись...

Правая рука в белой перчатке взлетает вверх. Пистолет у его виска... Удивиться мужчина не успевает – как и услышать выстрел. Он понимает лишь, что земля под ногами исчезла, и он падает, падает...

Не упал. Смерть подхватила, крепко взяла за плечи, усмехнулась во весь костлявый оскал.

Данс-макабр!
Танго!

Пляшут тени,
безмолвен танец,
Черен контур,
бела известка.
Дым табачный
из старой трубки,
Голос бури
из буйной пены,
Нет покоя,
ни в чем покоя нет!

Смерть поет беззвучно, слова сами рождаются в гаснущем сознании, вспыхивают белыми искрами, тускнеют, превращаясь в обгорелые пылинки.

Белый рыцарь –
перо голубки,
Черный ангел –

¹² Текст танго «Аргентина» написан Олегом Ладыженским, за что автор ему чрезвычайно признателен.

смола геенны...

– Но почему? – кричит он, глядя прямо в пустые черные глазницы. – Почему? За что? Напрасно! Смерть не отвечает на вопросы.

* * *

...Бумажник, кольца и документы – забрать, в левый карман пиджака положить две игральные фишки из казино и цветной проспект на мелованной бумаге. «SBM» – «Société des Bains de Mer».

Общество Морских Купаний...¹³

Труп словно налился свинцом, но она справилась, пусть и со второй попытки. Вниз, в черную пропасть!

Прощай!

Отдышавшись, бросила туда же пистолет. Перчатки сняла, сунула в карман.

Все...

Можно было идти к машине, но женщина решила немного обождать. Повернулась спиной к морю, облокотилась о камень балюстрады, закрыла глаза... Черная тень сгустилась, подступила к самым зрачкам, но женщина ничуть не испугалась. Улыбнулась, поправила сбившуюся набок челку. Запела беззвучно, Смерти под стать.

А любовь
мелькает в небе,
Волну венчает
белым гребнем,
Летает и смеется,
и в руки не дается,
Не взять ее никак!
О Аргентина, красное вино!

*...Ангел Смерти – никому не известно, каким будет его лицо. И когда он впервые приходит, его не могут узнать. У него – нежные черты. Но когда обнаруживаешь, что скрыто под ними, уже слишком поздно*¹⁴.

4

Он проснулся во сне. Глаз открывать не стал – ни к чему. Там, за прикрытыми веками, наверняка какая-то мерзость. Притаилась – и ждет, пока на нее взглянут.

А вот не стану! А вот не взгляну!

– Крабат!..¹⁵

Под головой вместо подушки – холодный камень. Спина затекла, на лбу выступили капли пота. Воздух несвежий, прелый, словно внутри старой пивной бочки.

– Крабат!.. Кра-а-абат!..

¹³ Тем, кто не любит географию: действие происходит на территории княжества Монако.

¹⁴ Из фильма «La belle captive» (1983 г.).

¹⁵ Имеется в виду не Крабат из замечательной детской книжки Отфрида Пройслера, а мифологический образ из фольклора лужицких сербов, не слишком с ним сходный.

Такое с ним уже случалось, и он не испугался. Правильнее всего не отвечать и конечно же не смотреть. Вдохнуть поглубже – и крикнуть что есть силы, чтобы проснуться уже настоящему. Встать, вытереть пот со лба, допить холодный чай...

Чай... Стакан на столике возле окна, рядом – упаковка таблеток. Поезд? Да, он в поезде. Купе, верхняя полка. Выпил снотворное, чтобы уснуть пораньше.

– Крабат!.. Иди в Шварцкольт на мельницу! Не пожалеешь!..

– В Шварцкольте нет никакой мельницы! – не выдержал он. – И не было никогда. Мельница – в Хойерсверде, за лесом!

Открыл глаза, скользнул зрачками по густой вязкой тьме. Спрятались?

– И Крабата никакого не было. Не Крабат – Кроат, ясно? Полковник Иоганн Шадовиц, командир Глинского Кроатского полка, потому и прозвали. И мельницы никакой не было. Шадовиц никогда не служил в подмастерьях, он бежал из дому в двенадцать лет, записался в австрийскую армию...

Из темной глубины донесся негромкий смешок:

– Тебе так объяснили в школе? Не прячься хотя бы от самого себя, Крабат! От меня, как видишь, не получилось.

Видишь? Да, он видел. Тьма отступила, отдавая пространство. Невеликая комната, лавки по углам, он – на той, что рядом с окном. Стекол нет, деревянные ставни наглухо закрыты. В углу – бочонок (наверняка от пива!), на нем – плюшка с сальной свечой. Огонек не желтый, не белый – синий.

– Сколько можно убегать, Крабат? Век? Два? Иоганн Шадовиц умер в 1704 году...¹⁶

На Мастере – темный камзол с потертым шитьем, старая треуголка, тяжелая трость в левой руке. Таким его видели только на Рождество – а еще в тот летний день, когда на мельнице ставили новое колесо. Было очень жарко. Мастер поднял кувшин с вином, выпил в честь работников, остаток вылил на украшенный ветками обод...

Он помотал головой, отгоняя чужую память. Какое еще колесо? Присел, повел плечами, разгоняя кровь.

– Я, между прочим, снотворное выпил. А по твоей милости придется просыпаться.

Бледные губы Мастера дернулись в усмешке:

– Зачем? Ты уже проснулся, Крабат!

* * *

– Ну не было никакой мельницы! Отец – учитель, дед тоже. И прадед. Сказку про Крабата выдумал Ганс Шигерт, наш лужицкий писатель. Хорошая книжка, мне в детстве очень нравилась.

– Он ее не выдумал. Крабат, твой отец, сам рассказал Шигерту эту историю. Порой молчание – слишком тяжелая ноша, ему хотелось поделиться тайной. Теперь Крабат – ты, старший в семье... Почему? Два с половиной века тому назад твой предок победил меня в честном поединке. Я ушел, а он стал Крабатом. С той поры никто не решился бросить вызов вашей семье. Ты – следующий в очереди.

– Поединок? Там, кажется, была какая-то девушка, она должна была узнать своего парня...

– Нет, Крабат, все куда страшнее. Жизнь – не сказка. Не стоит об этом, старая кровь давно высохла. Я потревожил тебя не ради воспоминаний. Тебе велели передать... Велели напомнить.

– Сказку Ганса Шигерта?

¹⁶ Реальный исторический персонаж.

– А ты подумай, почему больше двух веков никто не пытался вызвать на поединок твоих предков? Почему они были учителями? Почему полковник Шадовиц вернулся домой, в нашу глушь, а не остался жить в Вене? И почему уехал из дому ты? Уехал – и решил не возвращаться?

– Мне бы твои заботы, Мастер!

– Мне бы твое беспамятство, Крабат!

* * *

Кричать не пришлось. Отомар Шадовиц, давно уже ставший Марекон Шадовым...

(– Марек? Ты что, поляк?)

– Я – сорб¹⁷.

– Сорб? Это фамилия такая?)

...проснулся сам – внезапно, словно от толчка. Пару секунд глядел в близкий гладкий потолок, потом вспомнил о недопитом чае. Вставать не хотелось. И жажда куда-то пропала.

...Поезд, купе, огоньки за окном. Все в порядке, все идет, как надо.

Сон не забылся, но вспоминать его не было никакой охоты. И не потому, что кошмар, ничего страшного в давней истории про мельничного подмастерья нет. Но нет и смысла. Байку про Вечного Крабата когда-то рассказал дед, всю жизнь посвятивший изучению сорбского фольклора. Старик был уверен, что Крабатом-Кроатом сорбы-лужичане из Бауцена и Радибора называли полузабытого языческого бога, чье подлинное Имя вслух поминать не след. Так ли это, не так – кто теперь рассудит?

И какая – Himmeldonnerwetter! – разница?

Деду повезло – умер в своей постели при нотариусе и враче в далеком 1917-м, в самый разгар Великой Войны. Через полгода погиб дядя (Итальянский фронт), через год, за месяц до Перемирия – отец (Западный фронт, Шампань)...

...Мать – в 1919-м, от тифа. Грета, младшая сестренка, в 1923-м, когда есть стало нечего. Почему он уехал?! Потомок учителей, не выдержав, сжал кулаки, хрустнул костяшками.

Тебя бы, sch-sch-scheisse, с такими вопросиками в 1923-й, когда брюква лакомством стала! Когда из всех лекарств денег хватало только на йод, когда стреляли под самыми окнами. Когда сестру в фанерном гробу хоронить пришлось!

...Гроб братья сколотили сами. Соседи одолжили лошадь – на погост отвезти. Кто-то сердобольный дал от щедрот две бутылки яблочного шнапса, дабы помянуть согласно обычаю. Опустевший отцовский дом отдали старшей сестре. Ей нужнее – муж-инвалид, да детишек двое.

Братья Шадовицы сели на берлинский поезд в маленьком тихом Бауцене. Новыми фамилиями, а заодно именами (менять так менять!), озаботились заранее, благо писарь в бургомистрате приходился им дальним родичем.

– Но почему – Марек?

– А чтобы немцем не посчитали, брат. Мы – сорбы!

Младший оказался не столь шепетильным...

С тех пор минуло много лет, менялись страны, документы, имена. Крабат, старая сказка, напоминал о себе только в снах. «Иди в Шварцкольм на мельницу! Не пожалеешь!..» Не было мельницы в Шварцкольме! Не было!.. У Мастера Теофила кладбищенский маразм в высшем градусе!..

Он успокоился. Кулаки разжал, выдохнул, закрыл глаза. Стук колес успокаивал, примирил с очевидностью. Все идет как должно, от одной станции до следующей. Нет никакой мель-

¹⁷ Сорбы, упоминаемые в книге, – авторский вымысел, они имеют лишь отдаленное сходство с реальными лужицкими сербами.

ницы, и Крабата нет, и Отомара Шадовица, и даже Марека Шадова. Есть доктор Вольфанг Иоганн Эшке, просим любить, просим жаловать!¹⁸

...Очки с простыми стеклами – в саквояже, на самом дне. Там же парик, несессер и прочие полезные мелочи. Докторишка-то его куда как старше! Отомар Шадовиц (которого здесь нет!) с 1910-го, а почтенный филолог-германист, если документам верить, еще прошлый век захватил. Кашляет, сморкается, да и со слухом не очень. Зато истинный ариец, пробы негде ставить.

Уже засыпая под колесный перестук, он зацепился памятью за некую странность. Мастер Теофил – почему? В книге Ганса Шигерта он просто Мастер – или Мельник.

Дед рассказал? Наверное, дед.

5

Встретились – столкнулись – в курилке сразу после обеда (13.45– 14.15 – время для личных потребностей). Курц уже достал сигарету, но зажигалкой щелкнуть не успел.

– У меня... новость у меня! – выдохнул Хинтерштойсер.

Оглянулся недоверчиво:

– Отойдем!

Курилка – площадка возле забора при двух свежевыкрашенных урнах, десять шагов в длину, в ширину и восьми не будет. Устроились возле самого забора, закурили, наскоро глотнув горького дыма.

– Писарь рассказал. Ты его знаешь, Уго Нойнерн из штаба батальона...

– Помню. Вроде не подлец. И что?

Для верности говорили вполголоса. Не на уставном «хохе», а на привычном с детства westmittelbairisch¹⁹. Мало ли вокруг прусских ушей?

– Ganz plemplem, вот что!

Поймал укоризненный взгляд приятеля, но не смутился.

– А как еще сказать? Мы с тобой в отпуск собирались, да? На Эйгер? Будет нам всем отпуск! В соседнем полку уже заявления пишут – побатальонно. И – в южные края! Не понял?

Курц открыл было рот, дабы подтвердить очевидное...

...Побатальонно – в южные края? Это как?

Рот закрыл. Скрипнул зубами, окурок затоптал.

– В Судеты?

Хинтерштойсер недоуменно моргнул.

– Какие такие Судеты? Отпуск – подарок от командования за отличную службу! Ну, если, конечно, занесет случайно... Берут саперов, артиллеристов – и нас, понятно, горных стрелков. Там же в этом... отпуске – Рудные горы!

– Saugut! – резюмировал Курц. – Сраный Богемский ефрейтор!

Настала очередь Хинтерштойсера глядеть с укоризной.

– Зачем ругать хорошего человека? Это все чехи-мерзавцы! Никаких немецких войск в Судетах нет, Рейх строго соблюдает условия перемирия. А чехи все нарушают и нарушают... Кстати, тех отпускников, которых в цинке привозят, велено записывать в графу «бытовой травматизм». Баллон с газом взорвался, бывает...

Тони, кивнув понимающе, достал сигареты. Спрятал, поглядел странно.

– Знаешь, Андреас, у меня тоже новость. И тоже – про отпуск. Ну, в некоторой степени...

¹⁸ Персонаж из одноименного романа Владимира Померанцева.

¹⁹ Среднебаварский диалект.

* * *

Горный стрелок Хинтерштойсер в детстве не ругался. В школе – случалось, но не слишком часто. В армии же – покатилося, да так, что и не удержаться. Иной раз хочется что-нибудь хорошее сказать, но губы сами собой двигаются.

– Verfickte!..

– Да прекрати, уши вянут!

– Э-э-э... Gloria in excelsis Deo et in terra pax homínibus bonae voluntatis!..²⁰ Могу даже спеть, хочешь? Тони, а они там, на почте, ничего не перепутали? Триста марок?!

– Не перепутали. Имя и фамилия мои, адрес верный. А в скобочках, ради полной ясности: «Норванд».

– Где ты ясность видишь? «Ингрид фон Ашберг-Лаутеншлагер Бернсторф цу Андлау». Это сколько же благодетелей – двое или пятеро? Мой бог, триста марок! Мы же теперь двенадцатизубые кошки можем прикупить! Последний писк! И рюкзаки новые, и ботинки с шипами, и...²¹

– Двенадцатизубые брать не будем, тяжелые они, десятизубыми обойдемся. Главное – отпуск! Этот твой Нойнер за полсотни – устроит? Чтобы и подпись, и печать?

– Нойнер? За полсотни марок? Не то слово! Значит что, Тони, рвем когти?

– Понимаешь, на что идем? Начальство все равно нас раскусит. Или трибунал – или пропасть на Эйгере...

– Или отпуск в Судетах. Или – мы на Стене! Первые, самые первые!.. Решайся, Тони!.. «Мы разбивались в дым, и поднимались вновь, и каждый верил: так и надо жить!..²² Ну!..

6

«Я-а ста-а-арый профе-е-ессор!»

Нет, не старый. И не профессор. Горбиться не надо, шаркать ногами – тоже. Доктор Эшке – не старый, просто дурной, как и вся ученая публика. Intelligent v galoshah.

Взгляд в зеркало... Плечи... Подбородок. Уже лучше.

Зафиксировали!

Где добрые немцы могут увидеть филолога-германиста? Не на улице же, не на рынке. Разве что в кино – и наверняка в комедии. Экает, бекает и несет чушь, причем пополам с непонятными словами. «Аффикс», «веляризация», «вокализация», «безаффиксный способ словообразования». И еще «гаплоглогия». Хватит? Да за глаза!

Зафиксировали!

Зеркало осталось довольно, почтенный доктор – тоже. Теперь можно и прогуляться. Старомодный костюм размером на номер больше (левый карман отчего-то оттопырен), на носу – очки в роговой оправе, шляпа, тяжелая, черная... Зонтик, тоже черный и тоже изрядного веса...

Для чего зонтик, если на улице – ясный день, а на небе – ни облачка? А если тучи набегут? Как бы чего не вышло! Как это будет по-русски?

²⁰ Слова из католической мессы. В некоторых случаях латинские цитаты переводиться не будут, как вполне понятные по контексту.

²¹ Здесь и далее упоминается различное альпинистское снаряжение. Автор в нем совершенно не разбирается, посему все термины следует считать фэнтезийным антуражем.

²² Здесь и далее: А. Краснопольский. «Первый перевал»

Вспомнил, повторил вслух, затем еще раз, поймав неуловимый звук «ch». Остался доволен – не забыл еще!

Guljaem!..

* * *

Русский устный учился легко – эмигрантов из страшной Bol'shevizija в Шанхае можно было встретить всюду. Помог и родной сорбский. Пусть и не очень похож, но все-таки ближе, чем немецкое «кляйне-швайне». То, что в детстве они пели с мамой: «Slodka mlodost', zlotyj chas!» Разве нужен переводчик? Тут «pesma», там – «песня».

Правда, по-русски «Domovina» – не «Родина», а нечто иное совсем... Не страшно, «домовину» и запомнить можно.

С чтением же начались проблемы. Сначала совершенно невозможная «kirilica», потом и того хуже: читать оказалось совершенно нечего. То, что печатали эмигранты в «Шанхайской заре», можно понять сразу, даже не глядя на заголовки. От своих русских приятелей он был наслышан о таинственном поэте по фамилии Pushkin, который, как выяснилось, в ответе за все, даже за не отданные вовремя пять юаней. Только где его, Пушкина, найти в Шанхае?

Вместо Пушкина ему был предложен Чехов. «Человек в футляре», очень смешной рассказ.

Рассказ он прочитал. Задумался. От Достоевского вежливо отказался.

Kak by chego ne vyshlo, gospoda!

Несчастный Беликов, над которым все издевались, а затем спустили с лестницы (обхотаться можно!), преподавал греческий. Почтенный доктор Эшке, германист, охотно унаследовал его облик. Разве что галоши проигнорировал, хоть и не без сожаления. Дикие края, не поймут!

Отчего германист? Оттого, что документы Вольфганга Иоганна Эшке – самые что ни на есть настоящие. Грех упускать такой шанс.

«Я-а ста-а-арый профе-е-ессор!»

Коридор. Лестница. Вестибюль. Портье – и больше никого. Тихий отель, за то и выбран. Не в самом центре, конечно, зато лишних глаз поменьше.

Ну что, на улицу? К солнышку?

– Простите, вы доктор Эшке?

Девушка... Красивая... Очень красивая!

Ай!

* * *

Если тебе (не придурку Эшке!) двадцать шесть, ты каждое утро отжимаешься сотню раз, аппетит имеешь отменный, а весь последний месяц женщины как-то скользили мимо, даже не задевая, то эта губастая, с огромными глазами...

Вдох! Вы-ы-ыдох!

– Простите, что? А-а! Да-да, фройляйн, ваш покорный слуга!.. Доктор Вольфганг Иоганн Эшке!..

...Платьице серенькое, скромное, из ближайшего магазина, и сумочка (серая) оттуда же, и туфли, и синий поясик. Зато прическа... И кольцо с синим камешком – пояску в цвет.

Ого!

Глазищи... Нет, не смотреть, ясно, что тоже синие. Лоб высокий, чуть не в половину лица, как у Мадонн на средневековых иконах...

Очки поправить. Взор потупить. В глаза-глазищи не смотреть.

Kak by chego ne vyshlo!

– Извините, доктор, что потревожила...

...Ничего, ничего!

– ...Я много о вас слыхала, доктор. О ваших исследованиях, о ваших лекциях. Специально приехала из Бонна...

От таких слов филологу-германисту полагалось бы млеть. И заодно – смущаться, нерешительно покашливая и ковыряя носком тяжелого, не по сезону, ботинка ковровую дорожку. Но это – доктору.

...В вестибюле кроме нее и портье – никого. Это хорошо. А то, что стоит совсем рядом – худо. Здесь светло, значит, косметику на лице наверняка заметит. Скорее всего, уже заметила. Женщина!

Лекции и прочие встречи с любопытствующей публикой доктор Эшке старался проводить исключительно по вечерам, заранее озаботившись освещением. Чем меньше его, тем лучше. Скромнее надо быть, господа!

– ...Если у вас, конечно, есть свободное время. Всего несколько вопросов.

Есть ли свободное время у доктора? Да сколько угодно! Все нужные дела сделаны еще утром. Вещи – в камеру хранения, таксисту – премию за хорошую скорость. Сначала туда, после обратно. А затем и парик можно надевать.

– Нет-нет, фройляйн, никакого кафе! Я, извините, на строгой диете. Все эти углеводы, они меня просто преследуют!.. Дальше по улице есть сквер, там, кажется, лавочки. Если не возражаете... И, простите великодушно, не расслышал, как вас, фройляйн, звать-величать?

...Не расслышал – потому что не представилась.

– Меня? Вероника... Вероника... Краузе.

Доктор Вольфанг Иоганн Эшке кивнул, вполне удовлетворенный. Шляпу приподнял, отдал поклон. Фамилию губастая придумать определенно забыла. Ай-яй-яй!

Сумочка же фройляйн Вероники опасливому доктору совершенно не понравилась. Какая-то слишком большая и по виду тяжелая. Косметичка столько не весит, а вот пистолет с парой запасных обойм...

* * *

– ...В этом нет ничего удивительного, фройляйн! Именно штудии по вопросам гаплоглологии архаических вариантов средненемецкого языка привели меня прямоиком к пришельцам с иных планет. Да-да! То есть, конечно, к тем, кого мы с некоторой долей вероятности можем таковыми счесть...

Прокашляться. «Кхе-кхе-кхе!» И еще раз: «Кхе!» Промокнуть платочком губы...

Malo vas, obrazovannyh, davili!

– Я, видите ли, ученый, а потому всегда осторожен с выводами. Началось же все со знаменитой «Liber Chronicarum» Хартмана Шеделя, которую неучи-студенты вкупе с такими же неучами-репортерами именуют «Нюрнбергской хроникой». Она никакая не Нюрнбергская, но не в том суть...

Лавочка, тенечек, красивая губастая девушка рядом. Можно и слегка расслабиться, даже не слишком думая, о чем вещает зануда-германист. У запасливого доктора имелось на подобный случай несколько грампластинок. Поставил и пусть себе крутится-вертится, как загадочный «sharf goluboj» из русской песни²³.

– Я решил сравнить два варианта текста: латинский оригинал – и немецкий перевод Георга Альта. Классический образец средненемецкого языка, классический, я вам скажу!..

²³ В подлиннике песни – «шарф». «Шар» появился в трилогии про Максима.

Взял фрагмент, посвященный правлению Генриха Птицелова. Там есть пассаж о судебном процессе по обвинению некоего золотых дел мастера из Гамбурга в сношениях с Врагом рода человеческого. Да-да! А еще имеется рисунок. Вы наверняка слышали, фройляйн, что «Liber Chronicagum» великолепно иллюстрирована. Более шести сотен уникальных ксилографий!..

Губастая слушала, не перебивая. Внимала, взор свой синий потупив. Вроде бы все штатно...

...И с глазами-глазищами как-то утряслось. Клин клином вышибают. Фройляйн с наскоку придуманной фамилией («Краузе» – галантерейный магазин рядом с отелем!) хороша, слов нет. Но есть и другие, ничуть не менее глазастые. И губастые. И просто красивые.

А еще есть ОНА.

«У жены нет внешности!» – заметил как-то его шанхайский работодатель мистер Мото²⁴. Пятнадцатилетний Марек («Не Марк, сэри! Марек!») поначалу весьма удивлялся. То есть как это, нет?! Потом понял. И сейчас, сидя на тенистой лавочке и не без удовольствия слушая скрип грампластинки...

– ...Именно, именно, уважаемая фройляйн! Дьяволы, равно как прочие выходцы из Инферно, не спускаются с Небес в серебристом ковчеге. Неспроста король не решился осудить ювелира, но отписал папе Иоанну, прося совета. Художник же, по-моему, просто растерялся, не зная, как все сие изобразить...

...он еле заметно прикрыл глаза, представил себе яркий, пронизанный солнечными лучами витраж в храме при германском консульстве, что сразу за мостом через желтую Сучжоухэ, ЕЕ руку в белой перчатке, скромную коробочку с кольцами в синем бархате.

У жены нет внешности. ОНА просто есть.

Не твой шанс, губастая!

– ...Подробности же, уважаемая фройляйн, я постараюсь изложить на сегодняшней лекции, равно и то, что в самое последнее время удалось узнать моим коллегам из Соединенных Штатов Америки. Рад буду вас видеть...

– Как получится, доктор. Честно говоря, сказками я и в детстве не очень увлекалась. Хотя рассказываете вы интересно... Особенно, когда кашлять забываете.

Оп-па!..

Повернулась резко, ударила синим взглядом.

– На первый вопрос вы ответили, доктор Эшке. Спасибо! Сейчас, если не возражаете, вопрос номер два. Вы это видели?

Щелк! Серая сумка послушно отворила свой зев. Пистолет?

Нет, всего лишь книжка.

* * *

Стыдно сказать, но английский язык Марек Шадов толком так и не выучил. В школе штудировал французский, попав в Шанхай, взялся за местный диалект китайского. Потом пришлось освоить и кантонский, на котором изъяснялись в порту, а заодно и русский с итальянским. Хотел всерьез заняться японским, но мистер Мото отсоветовал, подарив на Рождество военный разговорник.

«Буки-о сутэро! Тэ-о агэро!..»²⁵

Коротко и ясно. О чем еще с самураями болтать?

²⁴ Мистер Мото – частный детектив, персонаж нескольких американских фильмов 1930-х годов. Его роль исполнял Петер Лорре.

²⁵ Здесь и ниже: взято наугад из военного разговорника.

«Сутеро» и «агэро» Марек на всякий случай запомнил, добавив для коллекции еще и красивую фразу про негров: «Нигэру-то уцу-дзо!» Работодатель посоветовал отшлифовать произношение, но в целом остался доволен.

Мистер Мото был очень странным японцем. И не только потому, что упорно не желал именоваться «Мото-саном».

С английским же не заладилось. Ругаться выходило как-то само собой, газетные заголовки были тоже понятны, но дальше громоздилась Великая лингвистическая стена. Мистер Мото не видел в том особой беды. Для Шанхая вполне хватало портового «пиджина», не зная который просто стыдно. А чтобы Марек не расстраивался, работодатель пояснил, что «пиджин инглиш» – отнюдь не язык Шекспира, адаптированный для пингвинов. Название идет от устарелого «Beijīn» – «Пекин». Если уж для столицы годится, то и для всей Поднебесной – в самый раз.

Доктор Эшке лихо перевел название («Реванш Капитана Астероида», ого!), подивился чудищам на обложке и без всякого удовольствия скользнул взглядом по первой странице, попытавшись прodrаться через строй малознакомых слов.

«Mighty... Могучий... могучие двигатели... giant... гигантского... titanic... Титанового? Титанического? Титанового планетобуса... rattled... грохотали в... black thick vacuum... в черном густом вакууме...»

Где грохотали?!²⁶

– И что? Фройляйн, но это же, извиняюсь... э-э-э... что-то! Так называемая фан-та-стика! Мы же с вами культурные люди!

Вероника Краузе («Фирма Краузе – иголки для швейных машинок!») взглянула виновато:

– Ох, простите, доктор! Но вы только что с таким старанием пересказали журнальную статью, которую я читала еще в школе. Да-да, про «Liber Chronicarum» Хартмана Шедела и серебристый небесный ковчег Генриха Птицелова. Кстати, журнал был юмористический.

Почтенный доктор сглотнул... Приосанился.

– Ничего удивительного, фройляйн. В годы Империи при полном отсутствии свободы слова правду приходилось говорить с улыбкой. Эзопов язык! Да-да!.. Статью в «Кривом зеркале», которую вы имели в виду, написал не какой-то щелкоперышка, а известный...

Ее ладонь опустилась на книжную обложку. Остро блеснул синий камень.

– Знаю, доктор. История с Генрихом Птицеловом и в самом деле забавна, хотя гостей с других планет там конечно же не было. Но я хочу показать вам кое-что свежее.

Филолог-германист обиженно засопел:

– Простите, это? Эту... м-макулатуру?

– Прощаю! – взглянула без улыбки, убрала ладонь. – А теперь слушайте!..

* * *

– Напрасно курите, Вероника! – заметил Марек Шадов, покосившись на серебряную сигаретницу, только что извлеченную из недр серой сумки. – Искожу из собственного опыта. Мы с братом начали курить в шесть, бросили в восемь.

– В восемь часов? – улыбнулась она, щелкая зажигалкой. – Утра или вечера?

...В 1918-м, когда начали считать последние пфенниги.

– Конечно же вечера!

²⁶ Как и в предыдущей книге, двигатели грохочут в вакууме в честь великого Джорджа Лукаса, создателя «Звездных войн».

«Фройляйн» куда-то сгинула, исчез и кашель вместе с «да-да». Филолог-германист даже слегка помолодел. Вероника Краузе, однако, отнеслась к метаморфозе без малейшего удивления. Привыкла, видать, к чудесам.

– Не обращайтесь внимания, – немного помолчав, добавил он. – Это у меня хроническое – насчет никотина. Падчерица начала курить как раз в восемь. Не часов, Вероника, – лет. Два года веду разъяснительную работу без малейших шансов на успех.

Девушка повертела в руках сигарету, взглянула в сторону ближайшей урны.

– Нет, все-таки докурю... В восемь лет? Сочувствую, доктор. Я начала в четырнадцать. Сначала меня воспитывала мама, потом – тренер... Все понимаю, но когда прыгнешь затяжным с пяти километров, рука сама тянется к зажигалке. Не шнапсом же стресс снимать!.. Доктор! Надо все же разобраться. Итак, вы не читали книжки про Капитана Астероида. Охотно верю, чушь редкостная. Но почему в ваших лекциях говорится о том же самом? Инопланетная техника – откуда?

Доктор мотнул головой...

...Парик, осторожно!

– Вы уж спросите, так спросите! Из других книжек, вероятно. Сам я с инопланетянами пока не встречался. Но... Совпадений много?

– Давайте считать, доктор.

Филолог-германист послушно раскрыл ладонь. Первый палец...

* * *

Инопланетянами он занялся совершенно случайно. Вначале просто ездил по делам, из города в город, превращаясь время от времени в чудаковатого доктора. Шанхай научил многому, в том числе и тому, что скрываться можно по-всякому. Или слиться с уличной толпой – или пройти сквозь нее на ходулях, звеня в бубен. Второе куда надежнее. Кто станет проверять документы у клоуна?

Рейх, увы, не Поднебесная – документы спрашивали постоянно. Особых подозрений блуждающий доктор пока не вызывал, но риск все же был, и немалый. Выход, однако, имелся: следовало записаться в клоуны уже официально, получить бумагу с печатью – и звенеть в бубен в полном соответствии с законом.

«Я-а ста-а-арый профе-е-ессор!»

Прежде всего требовалось узнать, где у здешних клоунов лежбище. Таковое обнаружилось в Баварии, в маленьком городке Вайшенфельд. Именовалось оно многословно: «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков». Если же коротко, то просто «Старина».

«Аненербе»²⁷.

Марека (то есть, конечно, почтенного доктора) предупредили, чтобы он был осторожен. Клоуны оказались злого нрава – не из цирка, а из голливудского фильма ужасов.

...Один такой, с Лоном Чейни и Лореттой Янг, довелось увидеть в Шанхае, в новом кинотеатре на знаменитой «барной» улице Хэншаньлу.

«Laugh, Clown, Laugh!»²⁸

Белый клоун-неудачник, изгнанный из родного бродячего цирка за пьянство, находит в придорожном кювете подкидыша, девочку-младенца. Плохо ли, хорошо ли, но растит ее,

²⁷ *Аненербе* (нем. Ahnenerbe – «Наследие предков», полное название – «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков»). В описываемое время – скромная группа дилетантов от истории, на которую академическая наука смотрела с откровенным презрением.

²⁸ Здесь и далее будут упоминаться художественные фильмы. Часть из них является авторским вымыслом. Фильм «Laugh, Clown, Laugh!» имеет совсем иной сюжет.

пока та не оборачивается прелестной юной девой. Тут и появляется некто в маске и черном плаще, возжелавший невинной крови ради своего беззаконного Владыки. Негодяй тоже циркач и тоже клоун.

Черный клоун.

Несчастную похищают, волокут на старое кладбище, дабы распять посреди горячей пентаграммы. Тот, что в плаще и маске (клоунской!), готовит каменный нож...

Само собой, протрезвевший приемный отец вкупе с мужественным юношей-циркачом поспевают вовремя. Злодея-клоуна толкают в центр пентаграммы, ночь исчезает в яркой вспышке пламени...

Фильм был старым, немым, и заключительное «Ха! Ха! Ха!» темного Владыки было запечатлено на титрах, как раз перед «зе эндом» и финальным таперским аккордом.

«Смейся, клоун, смейся!»

В Вайшенфельде Мареку стало не до смеха. Там собрались даже не клоуны, а деревенские сумасшедшие, которых для чего-то отловили по всей Германии. Беззаконный же их Владыка в миру именовался Генрихом Луйтпольдом Гиммлером, рейхсфюрером СС.

«Старина» доктору Эшке определенно не понравилась. Зато сам доктор очень понравился «Старине».

7

– Простите, мадам! – пожилой усатый таксист оборачивается, вздыхает виновато. – Ничего нельзя поделать, мадам, придется обождать.

Женщина не отвечает, лишь устало опускает веки. Перелет до Парижа вымотал до самого доньшка, забрав последние силы. Хотелось упасть на кровать, на дорогое гостиничное покрывало, прямо как есть, даже не снимая туфель, и спать, спать, спать... Номер-люкс в отеле был заказан заранее, из Орли она перезвонила, попросив к ее приезду наполнить ванну с мускусным ароматом...

Толпа – глухая многоглавая стена поперек всей улицы. Не объехать, даже не обойти, на соседних тоже люди, десятки, сотни, тысячи... Транспаранты, плакаты, затоптанные листовки по всему асфальту, тонкая цепочка растерянных полицейских-ажанов.

Париж сошел с ума...

– Придется обождать, мадам! – вновь вздыхает таксист. – Это стихия, мадам!

На усатом лице – неожиданная улыбка.

– Зато мы им всем показали, мадам! Будут знать, фашисты!..

– Что показали? – не думая, переспрашивает она, но тут же спохватывается: – Простите, совершенно не разбираюсь в политике.

Улыбка сменяется искренним, до глубины зрачков, изумлением:

– Но как же, мадам! Мюнхен! Конференция, которую хотели собрать боши и этот макаронник Муссолини! Мы не пустили туда Леона Блюма²⁹, нечего к фашистам на поклон ездить. И чехи не поехали, отказались, старик Масарик отговорил их президента. Молодцы, проявили характер. Мерзавец Гитлер и англичанишки-овсянники остались ни с чем!.. Неужели вы не слышите, мадам?

Не слышит. Толпа глуха, но не лишена голоса, однако для нее все, что творится под горячим парижским солнцем, – всего лишь далекий невнятный шум.

...Что там на ближайшем транспаранте? «Да здравствует правительство Народного фронта!» Правительству-то ничего не сделается, о себе бы подумали...

²⁹ В 1936 году во Франции пришло к власти левое правительство т. н. Народного фронта. Леон Блюм был премьер-министром.

– Франция снова едина, мадам! – чеканит усатый таксист. – Как в славном сентябре 1914-го! О, мадам, я был тогда мальчишкой, но такое вовек не забыть...

Умолкает, смотрит внимательно на пассажирку. Затем открывает дверцу, оглядывается.

– Может, вызвать врача, мадам? Здесь рядом быстро, там наверняка знают, где ближайший квартирует. «Скорой» – то не подъехать...

Она с трудом разлепляет непослушные губы:

– Врача? Нет, не надо. Быстро... Можно чашку кофе? Только покрепче.

Шофер что-то отвечает, но слова тонут в подступившем шуме. Веки становятся каменными, холодеет плечо. Рука мертвеца давит, прижимает к мягкой коже сиденья, не дает вздохнуть...

* * *

– ...Я тебя создал, сотворил из ничего, из праха. Кем ты была пятнадцать лет назад, когда мы встретились в Шанхае? Проституткой из портового борделя, которая ничего не умела и всего боялась!

– А я тебя убила. Мы квиты.

Губы не двигаются, и она отвечает беззвучно. Услышит!

– Но за что? Я научил тебя всему, что знал и умел. Ты – моя правая рука. Я не стал возражать, даже когда ты вышла замуж за этого сопляка! Пальцем не тронул – ни его, ни тебя, ни твоего ребенка.

Боль растекается по плечу, ледяные пальцы впиваются в плоть. Она находит в себе силы и рывком сбрасывает мертвую ладонь.

– Если бы ты посмел тронуть Гертруду, то не умер бы легко!.. А так – ничего личного, просто business, как говорят янки. Наши финансовые планы не совпали в некоторых пунктах. Если бы ты начал операцию сейчас, как задумывал, мы бы разорились. Я пыталась тебя переубедить...

Мертвецы тоже способны удивляться. Холодные пальцы скользят по щеке, касаются шеи. Женщина невольно вздрагивает.

– Выходит, я погиб из-за твоей глупости? Все рассчитано верно. Большая война начнется со дня на день, и наши деньги закрутятся...

– Никакой войны не будет, – резко перебивает она. – Надо выждать еще года три – и вкладывать, вкладывать, вкладывать! А заодно зарабатывать на том, что есть. Война кормит войну – ты сам меня учил...

Ответ звучит глухо, еле слышно, словно из несусветной дали.

– Ты хорошо выучилась, шлюха!

– А ты ничуть не поумнел, подонок!

Тишина. Молчание. Холод.

– Мадам! Мадам!.. Ваш кофе, самый-самый крепкий.

Она с трудом открывает глаза, но в первый миг видит не кофе, а букет фиалок. На стебельках – маленькие капельки-бриллианты.

– Не огорчайтесь, мадам! – усач-таксист улыбается. – Все будет хорошо!

Она улыбается в ответ, берет цветы.

– Спасибо!

Париж остается Парижем.

8

– ...Кошки, айсбайли, карабины, короткие и длинные ледорубы, две веревки по тридцать метров, репшнуры...

Чистка укороченной винтовки Mauser 98k³⁰ требует внимания, сосредоточенности и, естественно, полного молчания. Особенно если взор обер-фельдфебеля так и норовит просверлить твой затылок. К счастью, народу в оружейке много, и начальству поневоле приходится отвлекаться на иных желающих поболтать в непредусмотренное уставом время. Техника давно отработана: фельдфебель отвернулся – рядовой Тони Курц мигает...

– Две бензиновые горелки, к ним – литр бензина... Нет, лучше два. Пачка сухого спирта...

...Фельдфебель вновь весь внимание – Курц опять мигает, но уже два раза.

– На все про все – шестьдесят марок с хвостом. Билеты на поезд – еще по пятнадцать с носа.

Докладывает рядовой Андреас Хинтерштойсер – ясно, четко и по делу. Шепотом, но внятно. Бумажка с тезисами, вся в ружейном масле, под правой ладонью. Поглядел – и дальше излагает:

– ...Еще бы палатку новую. Наша, сам знаешь, как после обстрела. Дорого, конечно...

Рядовой Тони Курц с сослуживцем не согласен, но от обсуждения временно уклоняется – мигает со значением. Два раза.

Губы Андреаса беззвучно произносят нечто, уставом совершенно не одобряемое, но делать нечего. Глаза округлить, плечи выпрямить... Затылку становится жарко.

...Ударник взводим, ставим флажок предохранителя вертикально. Затворную задержку – влево. Удерживаем, вынимаем затвор...

Буквочка «k» в названии тяжелой железяки – вовсе не «карабин», как думают штатские штафирки, а «Kurz» – «короткий». Рядовому Курцу – можно сказать, тезка.

– Хинтер-р-рштойсер-р-р! Почему так медленно?

...Подбородок вверх!

– Виноват, господин обер-фельдфебель! Стараюсь, чтобы тщательнее было!..

...Крышку магазинной коробки вместе с подающим механизмом отделяем... Тщательнее, еще тщательнее...

Курц (к счастью, не винтовка, а Тони) мигает. *Magnus Dominus noster et magna virtus eius!*..

– Про палатку, Андреас, забудь. Ты еще предложи в отеле поселиться!

Хинтерштойсер еле заметно пожимает плечами. Ладно! Хотя была, была такая мыслишка. Пусть и не в люксе...

– Нам «морковок» побольше надо, на Первом Ледовом поле их через шаг бить придется. И еще... Слышал о «кошках» с передними зубьями? Которые Лорен Гривель выдумал? Итальянец?

Консерватор Хинтерштойсер пренебрежительно дергает носом. Итальянец, ха!

– Не кривись! – Курц суров, словно тезка «Kurz». – В Берне закажем. Если получится, сам сделаю, невелик труд.

Андреас не спорит. Пусть будут с зубьями! Не это его беспокоит.

– Тони, а кто приедет? Слышал, что Бартоло Сандри и Марио Менти...

Сигнал!.. Два раза!

³⁰ Все упоминаемое в романе оружие является плодом авторского вымысла.

...Берем выколотку... Где она? Вот она... А дальше чего? Защелку крышки магазинной коробки – утопить, подать назад... Первая попытка...

– Хинтер-р-рштойсер-р-р! Даю вводную! Вр-р-раг злодейски похитил набор инстр-р-рументов. Ваши действия?

– Попытаюсь похитить инструменты взад, господин обер-фельдфебель! Если не получится, вместо выколотки использую патрон!.. Рядовой Хинтерштойсер неполную разборку закончил. Разрешите приступить к чистке?

...Сигнал! Слава богу!..

– Кроме Сандри и Менти будет еще пара итальянцев, не из «категории шесть». А еще французы из группы «Бло» – те, что скальные блоки освоили. Вроде бы сам Пьер Аллэн собирается. И австрийцы, этих шестеро, Вилли Ангерера и Эдгара Райнера ты знаешь... И никому трибунал не грозит, завидно! Андреас! Я сейчас прикинул... Если попадемся, не только нам достанется по полной, но и родичам всем, ближним, дальним. Давай еще подумаем, не будем спешить...

– Гор-р-рный стр-р-релок Хинтер-р-рштойсер-р-р! Гор-р-рный стр-р-релок Кур-р-рц!.. Попали... Смир-рно!..

Господин обер-фельдфебель суров, но справедлив. Не зол, скорее, огорчен донельзя.

– Хитр-р-рости ваши, гор-р-рные стр-р-релки, только в р-р-рогоже пр-р-рять. О чем болтать изволили? Опять о гор-р-рах?

Горным стрелкам не положено лгать!

– Так точно, господин обер-фельдфебель! – в единый голос.

Начальство кивает (чего еще от таких ожидать?), глядит снисходительно.

– И о чем конк-р-ретно? Говор-р-рите пр-р-равду, мне в самом деле интер-р-ресно. Посмотр-р-ришь на вас со стор-р-роны – пр-р-риличные р-р-ребята, хоть и бавар-р-рцы, пр-р-ри голове, пр-р-ри р-р-руках. Но вы же ненор-р-рмальные! Психи!.. Так о чем думали-то?

Психи переглядываются. Правду тебе, пр-р-русак?

– Бог создал горы не для того, чтобы на них взбирались люди. Но мы с Ним не согласны! – Курц.

– Если Стену надо пройти, мы пройдем ее – или останемся на ней! – Хинтерштойсер.

9

– Генерал Янг обязательно должен купить эти винтовки. Понимаете, Марек? Их должны перевезти, сгрузить, а главное – вручить вам расписку. И обязательно – с личной печатью генерала. Она красная, не спутайте.

Мистер Мото был как всегда невозмутим и как всегда изящен. Дорогой белый костюм, рубашка лучшего шелка в тон, короткие, слегка напояженные волосы цвета вороньего крыла. В плечах крепок, ростом невелик, на широком смуглом лице – слегка искривленный нос.

Глаза раскосые – японец все-таки, пусть и странный. А вот цвет не угадать, днем один, вечером иной совсем.

– Я бы сам поехал, но генерал Янг меня хорошо знает. Вы пока – человек новый. Справитесь? И запомните – красная печать. Красная!

Марек Шадову уже девятнадцать, по здешним меркам – взрослее взрослого. Пятый год в Шанхае – и все еще жив, многим на зависть и на удивление. Освоился, обжился, иероглифов помнит две сотни. Но генерал Янг...

– Это он сказал, что китайцы привыкли умирать, но не привыкли платить налоги?

Мистер Мото не ответил, лишь поглядел недобро. Много чего Янг успел наговорить. А уж когда доходило до дел...

Марек Шадов набрал в грудь побольше воздуха:

– С-согласен! Но... Мистер Мото, я никогда не продавал винтовки!

Работодатель внезапно оскалился – беззвучно, но весело.

– Бросьте, Марек! Вы будете продавать не винтовки, а самого себя. Улыбайтесь почаще!..

В Вайшенфельде доктор Эшке улыбался вдвое слаще обычного, однако не тем оказался мил. В «Старине» ученые степени были редкостью. Университетская наука обходила «Немецкое общество» стороной, причем по большой дуге, дабы не испачкаться. Герман Вирт, самый главный клоун, был, правда, и доктором, и филологом, но не по германистике, а по современной нидерландской поэзии. Для «наследия предков» как-то мелко.

За дипломированного германиста Вольфанга Иоганна Эшке ухватились в четыре руки – и не отпускали, пока гость не дал согласия прочесть цикл лекций по градам и весям Фатерланда, как полноправный и законный представитель «Старины». Темы навязывать не стали – почтенному доктору виднее. Лишь бы все было германисто и наследно-исторично.

Бланк, подпись, печать первая, печать вторая... Гуляй, клоун! Хоть пешком, хоть на ходулях.

«Я-а ста-а-арый профе-е-ессор!»

Инопланетяне же возникли в силу суровой необходимости. Чем еще заманить на лекцию загруженных земными заботами сограждан? Не деструктивными же процессами в обществе гиперборейской нордической расы! Этак и железнодорожный билет не купишь!..

«Война кормит войну», – говаривал один шанхайский знакомец Марек Шадова.

* * *

– Всего одно точное совпадение, Вероника. Ни о «параболоиде», ни об атомной бомбе я нигде ничего не говорил – равно как о Луче Смерти и подземной лодке. В лекциях я упоминал летательный антигравитационный аппарат – пояс и небольшой ранец за спиной. Его нашла русская экспедиция в районе реки Тунгуски. Это память о визите с 61-й Лебеда, состоявшимся, как всем нам известно, 30 июня 1908 года³¹. Насколько я понял, чем-то подобным обзавелся и Капитан Астероид?

– Да, в третьей книге. Именно с помощью такого ранца была спасена красавица Кейт.

– Рад за нее. Откуда я это взял? Из книги, естественно. Некий герр Семенов, повесть называется «Plenniki Zemli»...³²

– Доктор! Вы читаете фан-тас-ти-ку? Эту... м-макулатуру?

– Кхе-кхе-кхе!.. Э-э-э... Ну, как вам сказать, фройляйн... Кхе!.. Я, видите ли, решил выучить русский язык, но в тех далеких... э-э-э... краях с книгами было трудно...

– Не смущайтесь! Бывает и хорошая фантастика. К сожалению, именно ею сейчас и занялись. Какие-то мудрецы в Берлине вообразили, что все это: пришельцы, инопланетная техника и, что самое главное, инопланетное оружие и в самом деле существует. И не просто вообразили. Идут аресты, доктор! Этим занимается не криминальная полиция, а «стапо»³³. Понимаете?

– Еще не совсем, но, кажется, начинаю проникаться. Но... зачем? Даже если мне сломают ребра и заставят признаться в шпионаже в пользу 61-й Лебеда – какой в этом смысл?

– Никакого, доктор. Как и в сломанных ребрах. Нехорошо обманывать ожидания поклонников вашего красноречия, но сегодняшнюю лекцию я бы советовала отменить. И в отель не возвращаться.

– А как же мой летательный ранец в чемодане с потайным дном?

³¹ Это стало известно благодаря Генриху Альтову и Валентине Журавлевой («Путешествие к эпицентру полемики»).

³² *Мануил Семенов. «Пленники Земли»*. В нашей реальности повесть была издана в 1937 году. Автор также использовал иллюстрации художника Е. Шукаева.

³³ То же, что и «гестапо».

– Могу одолжить помело. Вполне в духе «Аненербе». И... У меня к вам просьба, доктор, несколько неожиданная. Вы стараетесь не смотреть мне в глаза. Ваше право, но я бы все-таки попросила... Два вопроса – «face to face». Согласны?

– С английским у меня не очень, но... Согласен!

– «Бегущие с волками». Знаете, кто это?

– Нет.

– Общество «Врил»?³⁴

– Увы!

– Мария Оршич?

– А это уже третий вопрос, фройляйн! Нет, и ее не знаю. И еще раз – увы! Как человек давно и глубоко женатый, я даже не могу намекнуть, насколько у вас красивые глаза.

– Не беда. Зато какой-то женщине очень и очень повезло... Кстати, Вольфанг Иоганн Эшке, специалист по древнегерманской литературе, вступил в общество «Врил» в июле 1920-го. Тогда ему было сорок три. Прекрасно сохранились, доктор!

– Чудеса инопланетной медицины, фройляйн! Кстати, «Краузе» – это галантерея или иголки для швейных машинок?

* * *

– ...А выглядят Вознесенные Владыки с планеты Венера приблизительно так, – пальцы привычно коснулись зубчатого колесика на боку трудяги-алоскопа³⁵. – Во всяком случае, по мнению уважаемого герра Балларда...

Оглядываться не стал – смотреть на зал было куда интереснее. Две-три секунды недолгого молчания и...

Хохот.

Доктор Эшке и сам улыбнулся. Шутить – так шутить! Калифорниец Гай Баллард, конечно, сумасшедший и регулярно общается с графом Сен-Жерменом, но картина родом не с Западного побережья США, а прямиком из запасников берлинской Национальной галереи. Из экспозиции изъята, будучи причисленной к «дегенеративному искусству».

Наглядность – скелет лекции. Почтенный филолог-германист очень гордился подборкой иллюстраций, переснятой на фото пленку «Agfacolor-Neu». Просто и удобно: извлек из аппарата, свернул, уложил в коробочку...

Отсмеялись... Картинка и в самом деле выглядела чудовищно. Художник был почему-то уверен, что это «Синие женщины на велосипедах посреди красного пляжа».

– Мне и самому весело, господа. Однако давайте подумаем. Над рассказами об инопланетянах принято смеяться. Но смех, как вам всем известно, не только признак хорошего настроения, но и защитная реакция нашей бедной психики. Проще высмеять, нежели разобраться. Не так давно мыслы, что Земля круглая, тоже казалась нелепой. Если мы живем на шаре – то отчего не падаем?

Губастой девушки в главном зале лектория общества «Сила через радость» не было. Доктор специально потратил лишнюю минуту перед началом, пытаясь найти Веронику среди густой толпы, заполнившей все ряды и даже приставные стулья в проходах. Не пришла! Но кашель все равно пропал, равно как эканье с беканьем. Отомару Шадовицу, потомственному учителю, не довелось поработать в школьном классе. Вначале это даже радовало, но потом пришло неясное, смутное беспокойство. Словно он что-то упустил, потерял, прошел мимо.

³⁴ Автор и сам не знает, что такое общество «Врил». И никто не знает. Все, что нам известно о тайном союзе, которым управляли женщины с длинными волосами, слишком похоже на сказку.

³⁵ Ныне используется термин «аллоскоп», но в 1930-е годы одного «л» еще не было.

«Крабат!.. Иди в Шварцкольм на мельницу! Не пожалеешь!..»

– Да, господа, тысячу лет назад мы не знали, что наша планета круглая. Пятьсот лет назад все были уверены, что Солнце вращается вокруг Земли. О разумных существах на других планетах писал Джордано Бруно. Вспомните, что с ним случилось!..

Четырехлетний Отомар однажды упросил отца взять его на урок. Наслушался – и захотел сам увидеть. Отец почему-то засмутился, принялся отнекиваться, но в конце концов взял старшего с собой. Ничего особенного, рядовой урок родной словесности. В те далекие годы на сорбском языке еще разрешали преподавать.

Урок поразил. Ничего нового Отомар не узнал, буквы ему и так были знакомы, но отец... Дома он всегда был веселым и добродушным, любил пошутить, порой смущая строгую маму. В классе же он стал другим. Даже голос, такой привычный и родной...

– Еще сорок лет назад, господа, вашим уважаемым родителям учителя объясняли, что слово «атом» означает «неделимый», а если точнее – «неразрезаемый». Наименьшая частичка материи, кирпичик мироздания. А потом – бац!..

«Бац!» – это линейкой по столу. Вполсилы, но для эффекта вполне достаточно. Слово «электрон» можно и не произносить, сразу с трех мест выкрикнули.

– Как вы думаете, господа, что мы узнаем завтра?

Кульминация – несколько секунд тишины. Доктор Эшке с трудом сдержал улыбку. Мистер Мото прав, он продает не винтовки, не сказки про пришельцев с Венеры. Гордыня, конечно, смертный грех, но если не слишком часто, по чуть-чуть... Война кормит войну, лишние рейхсмарки карман не тянут. Но разве в них только дело?

Доктор Эшке оглядел притихший зал, поправил капюшон синей мантии, которую надевал перед каждой лекцией, без особой нужды поглядел в темный потолок. Все? Да, пожалуй, все. За кульминацией – развязка. Она может быть всякой, но чаще всего приходится отвечать на вопросы, причем одни и те же. Ответы доктор помнил наизусть, ночью разбудят, не спутает...

– Завтра мы узнаем много интересного, господин Эшке. И, прежде всего, лично о вас... Дамы! Господа! Прошу всех оставаться на своих местах и не делать резких движений!..

Полутемный зал, три силуэта возле открытых дверей, за ними – еще двое. Все в штатском, но полицию всегда узнаешь.

– А вы, господин Эшке, прекращайте ваш цирк!

Вольфанг Иоганн Эшке крепко обиделся.

Цирк, говорите?

Глава 2

Цирк доктора Эшке

Фрауэнфельд. – Каучуковый шарик. – «Среди туманных гор, среди холодных скал...» – «Титаник-вальс». – Вечерняя Звезда и Блестящий Славой. – Крючья и веревка. – Письмо Снежной Королевы. – Герда.

1

Сигарета никак не хотела загораться. Потом все-таки зажглась, задымила – и лопнула прямо возле указательного пальца.

– *Arschgefickter Weihnachtsmann!*³⁶ – рассудил горный стрелок Хинтерштойсер.

В штаб батальона Андреас забежал после ужина. Уго Нойнерн уже поджидал – отвел в сторону и объяснил, что делать, предварительно уточнив сумму, полагавшуюся ему за хлопоты. Сошлись на сорока марках, и Хинтерштойсер мысленно похвалил собственную бережливость. «Десятка» в прибытке, совсем неплохо!

Писарский план был прост. Вечером, после отбоя, вражина-обер-фельдфебель отбудет из части по семейным делам и вернется лишь на следующий день к вечеру. Замещать его станет тоже фельдфебель, но обычный, без «обера». Этот ничего не разрешит, но и запрещать не будет, а отправит по начальству – прямиком в батальонный штаб. Все прочее Нойнерн брал на себя – и разрешение на отпуск в связи с женитьбой, и нужные числа на бланке. Не три дня, как обычно, а целая неделя!

Писаря – люди незаменимые, никто их не любит, но все им должны.

Хинтерштойсер план полностью одобрил, хотя и знал, что недели не хватит. Все равно спохватятся и начнут искать. Но не сразу, а это уже неплохо.

Ударили по рукам. Андреас, считай, от чистого сердца воздал хвалу писарской мудрости. Нойнерн, слегка возгордившись, заявил, что отпуск – дело нужное, однако простое, на месяц ареста. А вот за кое-какие сведения – прямиком из штаба дивизии – легко и под трибунал угодить. Хинтерштойсер, конечно, свой в доску, ему знать положено. Но – только ему!

Андреас поклялся всем, чем можно и нельзя, выслушал...

...Скушали, называется, салатик!

Судеты отменялись. Заявления на отпуск было велено отложить в отдельную папку и запечатать, полк же готовить к выступлению в совсем ином направлении. Причем немедленно, даже до получения официального приказа.

Фрауэнфельд...

Писарь не был силен в географии, но рассудил здраво. Австрия, южный сосед! Недаром ее поминают в каждом номере «Фолькише беобахтер». Причем если раньше писали на третьей полосе, то в последние дни – исключительно на первой. Через неделю с небольшим – плебисцит по поводу «аншлюса», долгожданного объединения с Фатерландом, значит, пришло время выдвигать войска, пока австрияки (знаем мы их!) не раздумали. Гор там хватает, посему стрелкам самое место в первом эшелоне.

Хинтерштойсер спорить не стал, однако в отличие от мудрого писаря географию знал неплохо.

...Эйгер – горная вершина в Бернских Альпах, высота 3970 метров над уровнем моря, находится на территории кантона Берн, Швейцарская Конфедерация. Фрауэнфельд – столица

³⁶ Персонаж негативно оценивает сложившуюся ситуацию.

кантона Тургау, что на северо-востоке все той же Швейцарской Конфедерации. От немецкой границы – всего ничего: до Меррисхаузена «железкой», затем до Шаффхаузена, а дальше – по шоссе, не промахнешься. В Тургау гор, считай, и нет, а вот южнее... Вперед, горные стрелки!

И что же выходит? Они с Курцем убегают, а за ними вдогон – целый полк? Или даже не полк? Слух-то из штаба дивизии приполз!

Хинтерштойсер достал новую сигарету, помял между пальцев.

Лопнула...

– Verdammt Scheisse!

Рассудил: надо обязательно рассказать Курцу. Дьявол с ней, с клятвой!..

...Рассказать? А кому от этого легче станет?

2

Свет в зале доктор Эшке включил сам. Гости все-таки, да и распределительный щит как раз за спиной.

Да будет!..

Сгинул полумрак, выжженный желтым огнем. Ничего не прячем, все на виду!

...Зал, полный народа (кто сидит, кто уже встать успел), кафедра, рядом с нею – стол, на нем – алоскоп, серый корпус, витой провод. Рядом – графин при стакане. Дальше – стулья, за ними стена.

Экран – белое полотно, огнетушитель, распределительный щит. Левее – четырехугольный репродуктор тяжелой темной жести. Нужен зачем? «Сила через радость» молодежь уму-разуму учит, чтобы по жизни верной дорогой шла. Как в таком деле без репродуктора? «Внимание! Внимание! Воздушная тревога!..»

Левее, ближе к окну – еще одна дверь. За ней – комнатуха, где гости верхнюю одежду оставляют. Не спрятаться и не убежать, разве что сквозь стену.

Лектор – синяя мантия, капюшон до самого носа. Правая рука под пологом, в том самом кармане, что оттопырен с излишком.

Гости.

Впереди толстяк в дорогом черном костюме, чуть дальше, у двери и за дверью – остальные, плотью пожиже, костюмами поплоче.

Доктор Эшке поправил капюшон, дернул стеклышками очков.

– Прошу в наш цирк, майне геррен!

Толстяк скривил физиономию, но приглашению внял, сделав шаг вперед. Огляделся, поднял руку, блеснув камнем в дорогом тяжелом перстне.

– Дамы и господа! Из зала выходить по одному, не толпиться, сопротивления не оказывать, приготовить документы для проверки!..

Переждал шум, ухмыльнулся и только потом поглядел назад.

– Фокус! – кивнул ему доктор Эшке. – Следите за руками!..

Толстяк хотел было высказаться, но только и успел, что рот открыть. Так и замер, отвесив челюсть.

– Ай! – выговорила дама в третьем ряду.

На докторской ладони – черный, как ад, шар. Небольшой, с мяч для тенниса. Увесистый. По ровной поверхности – трещинки-паутинки.

– Бомба! – рассудили на пятом. – Инопланетная!..

Вот уже и вскочили, сейчас заорут, рванутся к дверям...

Рука с черным шаром взметнулась вверх:

– Успокойтесь, господа, – стекла очков сверкнули, отразив желтый электрический огонь. – Это всего лишь каучук. Сырой, а если по-научному – невулканизированный.

Поднял повыше, ударил голосом:

– Фокус очень простой, господа. Объясняю...

– А-а! – начал было толстяк.

Доктор резко повернулся:

– Вам бомба нужна? Друзья, наш гость хочет...

– Не надо! Не надо! – выдохнул зал. – Фокус! Фокус, пожалуйста!..

Вольфанг Иоганн Эшке улыбнулся:

– С удовольствием!.. Итак, это обычный натуральный каучук...

* * *

– Хорошо, – не стал спорить Марек. – Я подожду.

Письмо от мистера Мото требовалось передать немедленно, причем лично в руки, однако молодой человек уже успел изучить здешних китайцев. Упрямые, хоть из пушек в упор стреляй. Его «немедленно» для этих крепких худых парней – пустой звук. Наставник Дэн занят – и точка. Жди – и терпи.

Он оглянулся по сторонам, надеясь увидеть если не стул (откуда ему здесь взяться?), то хотя бы табурет. Да где там! Сарай сараем, разве что пол подметен и циновками выстлан.

– Если хотите, можете пройти в зал, – без особой охоты предложил особо желтый крепыш. – Наставник Дэн не будет возражать.

В зал так в зал. А точнее – в самую глубину сарая. Хорошо хоть не дворцом назвали!

Китайцы, что с них взять?

В «восточную мудрость» Марек и прежде, в школьном детстве, не слишком верил. Были б мудрыми – делили бы меж собой Европу, а не терпели чужаков в собственном доме. Красиво болтать все мы горазды! И прочее, чем иные европейцы восхищались, ему было не слишком по душе. Вот, скажем, сарай, удел великого и знаменитого наставника Дэна. Чем в нем занимаются эти ребята? Говорят, учатся друг другу руки-ноги ломать. Дело полезное, но разве так тренироваться надо? Сядут на циновки, глаза закроют – и рассуждать начинают. Пролезла, мол, корова, через дыру в заборе, а хвост застрял. К чему бы это?

...Спросили бы – ответил. К тому, что скоро всю Поднебесную на сэттльменты поделят, как Шанхай. И не будет у китайцев ни коровы, ни хвоста. Сорбы тоже когда-то половиной Европы владели – и, поди, тоже рассуждать любили. И что? Бранибор стал Брандесбургом, Липец – Лейпцигом. Вот и все сказки о великом герое Крабате!

Марек Шадов не первый год жил в Шанхае. Виду не подал, вежливо поблагодарил, прошествовал в тот угол сарая, где великий мастер Дэн восседал на чем-то, напоминающем обрезанный пополам матрац. Худой, лицо – маска костяная, глаза-щелочки полуоткрыты. Не старый, работодателя, мистера Мото, явно помладше.

Поклон. Кулак – к ладони, Инь-Янь, мы обычаи ваши знаем.

– Ни хао, шифу!

С произношением у Марека было не очень, сам знал, но наставник Дэн виду не подал, кивнул. Понятно, без всяких «Инь-Янь», гость не из великих, тайну хвостатой коровы постигших.

Отдав дань вежливости, наставник веки прикрыл, сложил руки ладонями ближе к причинному месту – и мыслями вдаль унесся. Марек присел на свободную циновку и приготовился скучать. Тренер, списанный на берег английский боцман, у которого он постигал джиу-джицу, вел себя на занятиях совсем иначе. Но что взять с некультурного «заморского дьявола»? Всего и учит, как руку с ножом перехватить. Никакой мудрости!

Между тем наставник Дэн, поблуждав в иных сферах, принялся неторопливо водить ладонями, словно не слишком опытный пловец. А потом палец вперед выставил – указательный левой. Ткнул пальцем в пол...

Марек как раз в этот миг отвлекся – и у него имелись свои «сферы». Вспомнилось самое неподходящее – как перед девушкой, случайной знакомой, прошлого дня осрамился. Не умеет он пить, но разве это оправдание? Теперь ее не найдешь, а найдешь – в глаза побоишься взглянуть.

А кто виноват? Как всегда, Pushkin? Генерал Янг? Ох, стыдно!

Когда Марек вернулся из «сфер», наставник Дэн уже стоял. На пальце – том самом, указательном.

...Правая рука – свечкой вверх, ноги – к стене, но без всякого упора, еле-еле носками касаясь. А на лице – ничего, такое у китайцев можно часто увидеть. Ни радости, ни печали, ни скуки – пусто.

Наставник стоял, Марек сидел.

К чему бы это?

* * *

– Это здорово, мистер... Простите, шифу. Правильно, да? Как фокус, как... спорт. И самому, наверно, приятно, когда такое можешь. Но смысла-то нет! На улицах нужно уметь драться. А для здоровья требуется гимнастика...

Наставник Дэн все-таки удостоил его аудиенции, даже угостил чаем. Откровенничать Марек не собирался, но слово за слово...

– И еще... К вам в школу мальчишки приходят, обычные, с тех же улиц. Поглядит такой, как вы, шифу, законы тяготения нарушаете, и повернет обратно. Испугается, в себя не поверит! Хотя... Может, так и надо, чтобы образец перед глазами был... Извините, шифу, кажется, запутался.

Под безвкусный желтый чай китайские слова рождались словно сами собой, даже «ванио-уинли динглу»³⁷ вспомнилось.

– Вы не запутались... жуши туди, – наставник еле заметно улыбнулся. – Вы сочинили коан и сами его решили.

– Коан? Который про корову с хвостом? – встрепенулся упрямый Марек. – Нет, шифу, это не мое. Некогда мне коаны решать. Вся ваша, уж извините, восточная мудрость...

...«Дангфанг жигуи» – когда только выучилось?

– ...Для тех, кому не нужно с рассветом вставать, чтобы на рисовую лепешку заработать. У нас в Европе то же самое – спортом богачи занимаются. Ну... Или те, у кого иного шанса нет, чтобы пробиться. Но в настоящем спорте не пробиваться надо, а расшибаться в лепешку, себя не жалеть – и никого не жалеть. И верить себе – в себя! – так, как никому на Небесах не веришь.

– Иначе хвост не пролезет, – с лица наставника исчезла улыбка. – Этот коан вы тоже решили, жуши туди. Сэнсэю... Мистеру Мото... Правильно, да? Я сейчас же напишу ответ. А вам, столь смело шагнувшему на дорогу «чань», разрешите сделать небольшой подарок. Нет-нет, жуши туди, никакой восточной мудрости. Эта вещь сделана в Соединенных Штатах.

На худой костистой ладони – черный, словно ад, шарик. Не слишком большой, вроде как для тенниса. Трещинки, будто паутинки, полустертая надпись белой краской...

Удивиться Марек Шадов не успел. Наставник Дэн подался чуть вперед, сжал шарик крепкими сухими пальцами.

³⁷ Здесь и далее персонажи изъясняются не на классическом пекинском диалекте китайского языка, а на шанхайском (диалектная группа «У»).

– Назовите любое число – от одного до, скажем, пятидесяти.

* * *

– ...Можно и больше, – охотно согласился доктор Эшке. – Но это слишком долго, заскучаете. Итак?

– Три! – радостно выкрикнул знакомый голос, только что вещавший об инопланетной бомбе.

Всего-то?

Рука дернулась, отправляя шарик напрямик в пол. Резко, в полную силу. Раз! Черный кругляш, словно набравшись сил, ракетой унесся к люстре.

Два! – в потолок, от люстры в полуметре.

Три! – в подставленную ладонь.

Аплодисментов не было. Толстяк-полицейский, поведя широкими плечами, выразил общее мнение.

– И только? Так и я смогу.

Подумал и предложил:

– Двенадцать!

Доктор Эшке вновь озлился, но тут же заставил себе забыть обо всем. Нет толстяка, и зрителей нет, и зала – и даже его самого, туди-недоучки. Есть черный мячик – и прозрачный многоугольник, кристалл о двенадцати гранях.

Много? Не слишком. Мчись, лента-мысль, соединяй грани! Иге, ля гё, сэн...³⁸

– Не двигайтесь! – крикнул, ни на кого не глядя. – Попадет – больно будет!..

Про разбитый нос – память о первом дне знакомства с каучуковой ракетой – говорить не стал, дабы не пугать публику. Шарик попался весьма злого нрава.

В пол! Не прямо, а чуть-чуть наискось, чтобы над самой шляпой герра толстяка прошел. Потом – к двери, двумя метрами выше, а затем обратно, полицейскому мимо левого уха, да со свистом. Дернется – сам будет виноват!

Раз! Два!.. Четыре, пять... Восемь!..

Двенадцать!..

В ладоши ударили тут же, как только теплый каучук с силой врезался в руку. Морщиться нельзя, напротив, улыбнуться, поправить чуть съехавшие очки с простыми стеклами, капюшон мантии тоже выровнять...

– Шарик-то непростой! – констатировал кто-то. – С Подкаменной Тунгуски шарик!..

В ответ засмеялись, но как-то неуверенно. А вдруг и в самом деле?

Полицейский же, вежливость соблюдая, тоже похлопал, но о службе не забыл:

– Довольно, майне геррен, довольно! А вы, герр Эшке, извольте представление завершить и следовать за нами.

Филолог-германист, он же циркач и жуши туди, ответил не сразу. Двенадцать углов – не слишком много, а если вдвое?

– Охотно!..

А если даже не вдвое? Огромный прозрачный кристалл, с небо размером, шарик в самом-самом центре... Первая лента-мысль еле ползет, воздух стал вязким, тяжелым, не пробиться... Иге!.. Вторая идет легче, но медленно, слишком медленно. Ля гё! Есть!.. Третья, четвертая... Понеслись!..

– Охотно! – повторил доктор Эшке. – Но, герр... Извините, не имею чести знать вашу фамилию и должность...

³⁸ Здесь и ниже: «раз, два три» (шанхайский диалект).

...Двадцать третья... Двадцать седьмая... Тридцать первая...

– Криминальоберассистент Мильх, – суровым голосом отрекомендовался толстяк.

...Тридцать седьмая... Внимательней, внимательней!.. Сорок первая!..

– Так вот, уважаемый герр Дикмилх...³⁹

Смех в зале (полицию никто не любит, даже немцы) подарил несколько нужных секунд. Готово! Тело стало легким, прозрачным, шарик, напротив, затяжелел, словно каучук обернулся свинцом. Ладонь запыхала жаром.

– ...Давайте поделим вопрос надвое. Представление завершаю, а вот второй пункт мы обсудим по мере возможности.

И – в полный голос, чтобы люстра зазвенела:

– Шестьдесят! Иду на рекорд! Только не двигайтесь, пожалуйста, не двигайтесь!..

Раз!

– Хватайте его! – взревел герр криминал... (и так далее).

Два! Три!.. Семь!..

* * *

«Хватайте его!»

Служивые – народ дисциплинированный, подданные же Рейха весьма законопослушны. Выслушав ясный и недвусмысленный приказ, первые приступили к исполнению, вторые же и не думали мешать. Хватание доктора Эшке началось.

Но ме-е-едленно, о-очень ме-е-едле-енно-о-о.

Черный шарик, словно обрета маленькую злую душу, со свистом рассекал воздух. Одному из полицейских даже пришлось присесть, уклоняясь от прямого в лицо, другой вовремя отшатнулся, чем спас свое ухо. Публика же вошла в азарт и принялась охотно давать советы, причем в полный голос, иногда начиная скандировать.

– Сзади! Сбоку! Слева!.. Сле-ва! Слева! Справа, падай, падай!..

Служивые попытались двигаться перебежками, но шарик, имея преимущество в скорости, эти попытки пресек. Вдобавок тот, кто чуть было не получил по носу, засмотрелся (не на него ли?) и не заметил стоящего рядом кресла. Ботинок за что-то зацепился и...

– S-s-scheisse!

...Брюхом – прямо на почтенного господина средних лет, отца здесь же присутствующего семейства. Встать, однако, не спешил – извинился и присел прямо на пол.

Лети шарик, лети!

За всеми злодействами, чинимыми взбесившимся куском каучука, доктор Эшке как-то потерялся. На него и не слишком смотрели, куда ему, фокуснику, деться? Зал полон, полицейские в десяти шагах, а посреди всего этого раскардаша – герр криминальоберассистент, зримое воплощение закона и порядка. Голову в плечи втянул, но с места не сдвинулся, даже пытался голос подать, чтобы процесс хватания ускорить. Без особого, правда, успеха.

Доктор Эшке тоже не спешил. Двадцать один, двадцать два, двадцать три... Шарик работал, филолог же германист, временно о нем позабыв, конструировал новый кристалл, на этот раз простой, всего на шесть граней.

...Рубильник. Пленка в аლოსкопе. Саквояж на полу. Графин. Мантия. Шарик.

Всё? Всё.

А когда кристалл сложился, засверкал гранями, доктор, не слишком торопясь, прошествовал к столу, обошел его слева, стал возле распределительного щита – и помахал рукой залу.

– Счастливо оставаться, господа!

³⁹ «Мильх» – молоко, «Дикмилх» – кислое молоко (нем.).

Выключил свет. Сирену включил.
Уа-уа-уа-уа-уа!

3

– Ну что, решили? – Хинтерштойсер шепотом. – Решили, да?

Казарма. Железные койки в два яруса. Свет погашен, только возле дверей, где дневальный, горит маленькая лампочка.

Отбой!

Андреас наверху, к потолку поближе, Тони Курц под ним. Можно и не шептать, не им одним поболтать перед сном охота, но слишком много вокруг чужих ушей. Даже если говоришь на westmittelbairisch, все равно опаска есть. Не только они здесь баварцы.

Ответа Хинтерштойсер не дождался. Свесился вниз, рискуя упасть:

– Да чего тут думать, Тони? Решайся, ну!

И в самом деле! Пустяк вопрос. Самовольная отлучка из части, в военное, считай, время, переход государственной границы – и подъем на Эйгер, с которого каждый год группы снимают.

– Тони! Если не завтра, то никогда. Никогда, понимаешь? Мы не возьмем Норванд! Другие Стену пройдут. Другие, не мы!..

Чуть не крикнул, но вовремя язык прикусил. То есть как «не возьмем»? Возьмем, ясное дело. Только бы Тони уговорить... Про Фрауэнфельд, чтоб он пропал, сказать так и не решился. Во-первых, это лишь болтовня, штабной фольклор. А во-вторых...

– Тони!..

Во-вторых, пусть хоть весь вермахт за ними отправят! Пока вояки доедут, развернутся, пока до Эйгера дотопают в прогулочном темпе, они с Курцем будут уже далеко. То есть не далеко – высоко! Главное, на Стену шагнуть. А там...

Хинтерштойсер прикрыл глаза. Белый, белый лед, хрустящий мокрый снег, синее тяжелое небо, острые голые скалы над головой... Не увидеть? Отдать другим? Нет, нет! Нет!!!

Не утерпел, на пол спрыгнул. Наклонился над койкой, где безмолвствовал Курц.

Выдохнул:

– Так, значит?

Помолчал – и заговорил, глядя в темный потолок:

– Ладно, не пойдем. Ладно, не убьют нас, в лагерь не отправят. И от простуды не околеем, и сифилис не подхватим. Дальше что? Год 1966-й, сидим мы, лысые и пузатые, в пивной. У меня в руках книжка – купил только что. Называется, к примеру... Ну, допустим, «Белый паук». А ниже подзаголовок: «Как мы взяли Северную стену». «Мы» – это значит не мы, другие. Кто – не важно. Другие! Не мы с тобой, понял? Я тебе книжку показываю, а ты, Тони, даже взглянуть не хочешь. И молчишь, прямо как сейчас. Представил?

И сам представил, даже увидел: и цветную обложку, и Эйгер во всей красе, и чьи-то веселые лица – прямо под названием. Не выдержал, застонал. Если сейчас они не пойдут, если не рискнут головами – Himmeldonnerwetter! – зачем вообще доживать до этого 1966-го?

Поглядел во тьму, улыбнулся горько:

– Дело твое, Тони. Только просьба у меня к тебе будет. Когда помру, скажи, чтобы на кресте могильном написали: «Андреас Хинтерштойсер, который не взял Северную стену». А о себе что хочешь пиши, все равно надпись эта – про нас двоих.

Махнул рукой, за стальную спинку кровати взялся, чтобы обратно на свою верхотуру мочалить...⁴⁰

⁴⁰ Здесь и далее персонажи (и автор вместе с ними) используют сленг скалолазов.

Среди туманных гор,
Среди холодных скал,
Где на вершинах дремлют облака...

Как расслышал, сам не понял. Тони не пел – дышал. Если слов не знать, ни за что не угадаешь.

...На свете где-то есть
Мой первый перевал,
И мне его не позабыть никак.

Исчез казарменный сумрак. Ледяное солнце Эйгера ударило им в глаза.

Мы разбивались в дым,
И поднимались вновь,
И каждый верил: так и надо жить!
Ведь первый перевал –
Как первая любовь,
А ей нельзя вовеки изменить!

4

Тяжелый бронзовый фонарь над входом в ресторан манил уютным желтым огнем. И название прельщало – «Георг», просто и коротко. Всякий, кому довелось мир повидать, знает: чем ресторан хуже, тем претенциозней вывеска. Скучавший у дверей швейцар тоже понравился: солидный, седатый, с роскошными усами – вылитый капитан из Кёпинника, германский Робин Гуд⁴¹.

Вот только по карману ли вся эта роскошь скромному коммивояжеру?

Марек Шадов поспешил себя поправить: не коммивояжеру, а разъездному торговому агенту. Американизмы – сорняки на цветущем поле германской речи. Кому это знать, как не доктору Эшке, профессиональному филологу?

А кстати, где он?

Марек бросил взгляд на тихую вечернюю улицу. Чисто! Никто не догоняет, не спешит с наручниками наперевес под дивную трель полицейского свистка. И доктора, субъекта конечно же весьма сомнительного, нет. И не надо. Пусть катится второй космической скоростью прямиком на свою Венеру!

– Заходите, майн герр, – понял его колебания глазастый швейцар. – Заведение у нас приличное. И цены не такие, как, извиняюсь, в русском «Распутине».

Дверь открыл, посторонился, посмотрел внимательно...

Марек, взгляд ощутив, задержался на пороге. Что не так? Костюм? Туфли? Прическа? Саквояж в руке? Кольцо на безымянном пальце?

– Умыться бы вам, майн герр, – швейцар усмехнулся в густые седые усы. – Я сперва, как саквояж увидел, за врача вас принял. Саквояж-то один в один акушерский. А теперь понял. Улыбаетесь вы, а вид усталый. Грим на лице – смывали да не смыли. И время позднее. Стало

⁴¹ Автор предоставляет читателям возможность самим узнать, кто это такой. Не любящие читать могут посмотреть художественный фильм (их шесть). Автор рекомендует фильм 1956 года с замечательным немецким актером Хайнцем Рюманом.

быть, актер после спектакля. Местных я всех перевидал, значит, вы из Лейпцигского «Нового театра», что как раз сегодня на гастроли приехал.

Капитан из Кёпиника оказался Шерлоком Холмсом.

– Тогда и амплуа определите, – подбодрил сыщика-любителя гастролер.

– И думать нечего. Глаза у вас, уж извините, умные, стало быть, в герои-любовники не годитесь. Для злодея или фата голосом не вышли, для моралиста – возрастом. Рост чуть выше среднего, кость тонкая, лицо, опять-таки извиняюсь, подвижное. Стало быть, майн герр, вы изволите быть проказником, по-старому если – Арлекином. Учиняете разные неприятности себе же во вред – и тем весьма довольны бываете.

– Здорово! – восхитился Арлекин-проказник, доставая из бумажника купюру покрупнее. – В яблочко, как Вильгельм Телль!.. Так где тут у вас можно умыться?

* * *

С гримом и в самом деле вышла промашка, но вполне простительная. Что делать, если ни мыла, ни теплой воды, ни губки, есть только графин на столе и носовой платок в кармане, а на все умывание – десять секунд? Больше не получалось. Пленку из аппарата требовалось вынуть, скрутить и спрятать, из большого рыжего саквояжа извлечь другой, поменьше и видом приличнее, мантию снять и куда надо пристроить, снять парик, провести по волосам расческой...

А еще сирена! Уа-уа-уа-уа-уа!

...Пятьдесят восемь... Пятьдесят девять... Уа-уа-уа-уа!.. Иди сюда, шарик, иди, черненький! Прячься, пока не заметили.

А потом исчезнуть, да так, чтобы в упор не видели.

Уа-уа-уа!.. Свет!

Уа-уа-у... Обрезало.

– Где? Где он? Ищите? Хватайте!..

Зря герр криминальоберассистент Мильх цирк помянул. Хотел – получил по полной. Тот же зал, уже при свете, публика, стражи порядка. Кафедра, стол, алоскоп, экран на стене.

Где Эшке? Нет Эшке! Правда, дверь, что в комнатку-раздевалку ведет, открыта, а на двери, словно занавес после спектакля – знакомая синяя мантия.

– Там он! Там! А ну-ка выходите, герр фокусник!..

Ждать служивые не стали – толпой в комнатку ринулись. Герр Мильх-Дикмильх – впереди, дабы лично злодея задержать, двое, что ближе были, следом, за ними и те, что дверь стерегли, подтянулись.

Ищи! Лови! Хватай! Вяжи!..

Конца представления Марек Шадов ждать не стал. Это был уже не его цирк. Вышел из прохода между рядами, где и стоял среди прочих любопытствующих, шляпу надел – и пошагал к выходу. Не он один. Те из публики, что были поумнее, спешили покинуть зал, дабы не тратить лишний час на разбирательство с полицией. Не все, правда, догадались, что к главному выходу из лектория идти не надо – наряд там при дубинках и наручниках. И к запасному не надо, там тоже наряд. А зачем вход-выход, если можно спуститься на первый этаж, пройти пустым коридором – и окно открыть? А за окном сквер, пустой и темный.

...Чемодан с вещами – в камере хранения, документы Эшке-скандалиста бандеролью отправлены в Берлин (Главпочтамт, до востребования). Всей-то поживы господам полицейским – мантия да старый докторский костюм в гостиничном шкафу. На лекцию Марек надел собственный, под синей тканью незаметный. Ах да, еще ботинки, тоже докторские, что в номере остались. Их, конечно, жаль. Где еще такой ужас найдешь?

Спасибо, губастая! Был бы холост, точно бы женился!..

– На ваше усмотрение, – велел он кельнеру. – И... Я не очень пьющий, но что-нибудь для аппетита. День был трудный...

Кельнер, мужчина опытный, понимающе прикрыл веки.

– И еще... ваш оркестр. Он какую музыку играет?

– Майн герр! – Кельнер даже позволил себе обидеться. – Какую пожелаете! Кроме разве что «Интернационала», ноты куда-то подевались.

Марек шутку оценил, но смеяться не стал. А «Дивную Лужицу» – слабо? Гимн отмененного и запрещенного народа?

– «Осенний сон», пожалуйста. Да-да, «Титаник-вальс».

* * *

– «Осенний сон», пожалуйста. Ну, «Титаник-вальс». Сообразили?

Ресторан «Ренессанс», что на авеню Жоффри, – лучший во всем Шанхае. Официанты, хоть и китайцы, натасканы, словно полицейские ищейки, с лету желания клиентов ловят. Но тут чуть не вышла промашка. Следовало не «Herbsttraum» заказывать, а... Как по-английски будет? «Autumn dream», точно! Ничего, вовремя про «Титаник» вспомнил!

Почему его потянуло послушать вальс, причем именно «Осенний сон», Марек Шадов уже не помнил. В голове шумело, бутылка «Смирновской» на столе (уже вторая) то и дело начинала двоиться, причем обе половинки так и норовили пуститься в пляс. Может, именно из-за «Титаника». Стальная громада скрывается под водой, люди-муравьи скользят по мокрой палубе, черное ночное море, белый лед...

Вальс, господа, вальс!

– Напейтесь! – велел мистер Мото. – Как свинья! Нет, как русский эмигрант. Приказ ясен?

Возражений слушать не стал, достал из бумажника несколько больших купюр, на стол бросил.

Приказ есть приказ.

...Оркестр «Титаника» играл до последней минуты, провожая в Вечность корабль и тех, кто на нем плыл. Из музыкантов не спасся никто. Уцелевшие пассажиры, словно сговорившись, никак не могли вспомнить, что именно они слушали в эти прощальные минуты, – кроме одного-единственного вальса. «Autumn dream», бесконечный, пронзительный, безнадежный. Черная вода, белый лед...⁴²

Что именно ему твердит изрядно смущенный официант-китаец, Марек понял только со второй попытки. Не удивился. Поздний вечер, главный зал «Ренессанса» полон, трезвых, считай, и нет. Неудивительно, что кто-то решил заказать свое. Люди разные – и музыка разная.

Ждать не стал. Вытащил бумажник, припечатал купюру ладонью к скатерти.

– «Титаник-вальс»!

Краешком сознания он понимал, что зря кажет характер, не время и не место. Напиваться следовало дома, в маленькой комнатухе на третьем этаже новой шестиэтажки, что на окраине Французского квартала. Неказисто, зато можно запереться на замок, никого не видеть, ничего не слышать.

Но тогда он будет один. И к нему пожалуют те, для которых никакой замок не помеха.

– ...Никаких следов, мистер Мото. Лодку я утопил, документы их уничтожил, пистолет выбросил в реку. Из своего не стрелял, взял один из тех, что мы везли генералу Янгу в подарок. Свидетелей не было. То есть... Не осталось.

⁴² Сохранилась запись вальса, сделанная оркестром незадолго до трагического рейса (дирижер Уоллес Хартли). Вечная слава храбрым людям!

Похвалы не ждал – не за что было хвалить. О его поездке все-таки пронюхали и попытались перехватить – на обратном пути, когда возвращался с деньгами и договором при красной печати. Повезло! Те, что пришли по его душу, переоделись в привычную солдатскую форму. Речной патруль, предъявите документы! Но хоть и говорят, что для европейцев все китайцы – на одно лицо, но старшего Марек узнал и вместо документов достал оружие – офицерский Colt M1911. Словно чувствовал! Вынул из ящика с подарками, проверил, взял запасную обойму...

Четверо! Двое умерли сразу, третий был без сознания, но еще жил. Его пристрелил не думая, просто протянул руку и нажал на спусковой крючок. А вот четвертый, совсем еще молодой, с дыркой вместо передних зубов, завопил, заплакал, попытался привстать, прижимая ладонь к простреленному животу. Потом замолчал и просто смотрел в глаза... Взгляд Марек отводить не стал. Выстрелил – и принялся ждать, пока чужие зрачки погаснут.

Colt M1911 превратился в кусок льда.

«Титаник-вальс». Море, айсберг, смерть – первая смерть от его, Отомара Шадовица, руки. Одна смерть, вторая... четвертая.

Да, хвалить его не за что. Хоть и концы в воду, но круги все равно пойдут. Не вышло чистой работы. Но и ругать нельзя – договор привез, жив остался...

Работодатель так и поступил. Выслушал молча, а потом достал бумажник.

– ...Вот этот!

Марек решил было, что вернулся официант, и успел удивиться, отчего так изменился его голос. Повернулся, головой помотал...

Принялся трезветь.

Четверо! Столько же, сколько было на проклятой лодке. И кольта под рукой нет.

* * *

Мистер Мото, человек широко известный в узких деловых кругах Шанхая, занимался вопросами серьезными и деликатными.

Мистер О'Хара избрал себе тот же вид занятий.

Мистера Мото очень уважали. Мистера О'Хару уважали не меньше, но еще и боялись.

У мистера Мото было несколько помощников, людей, как и он сам, тихих и скромных. О'Хара скромностью не отличался и завел себе целую армию. Работодатель Марека исповедовал принцип дзюдо, американец с ирландской фамилией предпочитал бокс без правил. Мото был тих, О'Хара шумен. Один невелик ростом, второго хоть в прусские гренадеры бери.

Мистер Мото очень редко улыбался. Мистер О'Хара громко и часто хохотал.

Вражды между ними не было, но не было и дружбы. Работодатель ничего не рассказывал, однако Марек уверился, что они познакомились давно, еще до Китая, и знакомство вышло очень непростым. Здесь же, в Шанхае, между странным японцем и брутальным янки действовал негласный и неписанный пакт о ненападении. До поры до времени. Тот, кого Марек узнал – и кого убил первой пулей, – запомнился ему именно из-за О'Хары. Видел их вдвоем пару раз. Для Шанхая – более чем достаточно.

– ...Вот этот! Удачно встретились. Поучим мальчонку жизни?

– Не здесь. Глушим – и в авто.

Марек Шадов встал. Китаец и два американца, птицы невеликие, у мистера О'Хары на посылках. Таким драки (войны!) и положено начинать. А вот четвертый... Четвертая...

В последнее время, так уж получилось, именно Марек Шадов стал правой рукой мистера Мото. В армии О'Хары тоже произошли перемены. Прежние его помощники куда-то исчезли, и всем стала заправлять...

– Пусть на колени станет. Тогда, может, и отпустим.

ОНА!

Марек видел ЕЕ всего пару раз и то издали. Запомнил, но не больше. Его лет или чуть старше, светлые волосы, прекрасно пошитое платье, кольцо на высокой шее. А тут... Считай, в трех шагах...

Вдохнул, выдохнул, хотел глаза протереть... Но вовремя вспомнил, что он – на войне, мистер О'Хара послал свою армию в бой. Двое – с боков, третий, китаец, чуть сзади. ОНА – впереди.

На колени, значит?

– Мы не на равных, – улыбнулся. – Мало вас чего-то. Несите пулемет, тогда и беседовать станем. А то обижу кого ненароком.

Страх не было. Страх остался под темной речной водой, утонул в мертвых остекленевших зрачках. Мир стал огромным прозрачным кристаллом, а он, Марек Шадов, – маленьким злым черным мячом.

И – плевать на все!

Кроме НЕЕ.

Удержался на краю, ударил не рукой – взглядом, прямо ЕЙ в глаза.

Мир-кристалл дрогнул. Как и ЕЕ губы.

* * *

– Мне не нужен пулемет, Марек Шадов. Твой хозяин слишком много возомнил о себе, но для начала мы проучим сопляка, который чистит ему ботинки. А еще у нас есть пара вопросов по поводу твоей последней поездки. Если ответы нам понравятся – твое счастье.

– А у меня есть пара ответов, которые могут очень не понравиться. Для каждого из вас – кроме тебя.

– Почему для меня исключение?

– Я тебя люблю.

* * *

Кристалл исчез, растворился в густом папиросном дыму. Мир вновь стал самим собой – обычным, обыденным, плоским. Ресторан, столики, испуганные лица официантов, нож в руке китайца, ЕЕ странное лицо.

Все как и должно быть. Только Марек Шадов понял, что совершенно счастлив.

Теперь ему было все равно. И когда двое с боков подошли к столику, он врезал пустой бутылкой по ножке стула, превращая бесполезную скляницу в «марсельскую розу». И когда ниоткуда – из папиросного дыма – возник сам мистер О'Хара, парней отогнал, ЕЕ обнял – властно, по-хозяйски, на него же поглядел, как смотрят на пустой стол.

– Расскажешь ему! – бросил уходя.

«Ему» – мистеру Мото.

– Обычаи парижских апашей, – скажет на следующий день работодатель. – Последнее предупреждение перед началом войны. Вы вели себя правильно, Марек.

А потом помянет и ЕЕ.

– О'Хара никогда не умел разбираться в людях. Она – его самая большая ошибка.

Но это будет потом, после того, как Марек отдаст официанту уже ненужную «розу», посмотрит ЕЙ вслед – и услышит первые такты «Титаник-вальса».

4

– Голуби, мадам! – Бесцветные глаза-пуговички моргнули. – Почему они вогкуют, мадам? Почему змеи... Да, змеи, самые холодные тваги на земле, пегеплетаются друг с другом?⁴³

Женщина сдержала усмешку и даже сделала вид, что внимательно слушает. Старость... В чем можно упрекнуть человека, перешагнувшего вековую черту?

– Пе-ге-пле-та-ю-тся, да! Почему мошки... Маленькие-маленькие мошки поглетают сотни километгов, чтобы найти себе пагу? И гибки, с плавничками и хвостиками. Гибки!..

Старичка, маленького, ушастого и абсолютно лысого, знал уже весь «Гранд-отель». Привезенный по какой-то надобности из своего захолустья в Париж, он регулярно сбегал от сиделок, находил жертву – и говорил о любви. Лично ее почтенный ветеран поймал прямо в огромном холле, в двух шагах от стойки регистрации.

– Почему гаспускаются цветы, мадам? – Беззубый рот плямкнул. – Гозочки! Тюльпанчики! Настуггии, мадам! Хгизантемы!.. О, мадам! Газве вам не пгиходилось чувствовать симптомы божественной стгасти?..

Старичок был безумен от пяток до кончиков ушей, но вовсе не глуп. При побегах из запертого номера проявлял немалую изобретательность, теперь же, посреди своей пылкой речи, внимательно следил за собеседницей, словно чего-то ожидая. Ее ли он видел сейчас? От нее ли ждал ответа?

– Стгасть! Теплота в ладонях, стганная тяжесть во всем теле, огонь на губах, вызванный не жаждой. О нет, мадам! Но тем, что в тысячи газ сильнее, непгеодолимее жажды!

В Париже она бывала регулярно и чаще всего останавливалась именно здесь, в огромном шестиэтажном здании на Рю Скриб, как раз напротив Парижской оперы. Очень удобно – центр, всего три минуты неспешного хода до Вандомской площади, а главное – людское море, в котором можно в случае необходимости легко исчезнуть – подобно рыбке с плавничками и хвостиком. Или встретиться – совершенно случайно, как с этим жаждущим любви дедушкой.

– Любовь, любовь, мадам! О, знаете ли вы, что такое любовь?

Старичок ждал ответа, напряженно, не отводя взгляда. Надо было идти, нужный человек уже появился – как раз возле регистрационной стойки...

– Думаю, что знаю, мсье.

Подслеповатые пуговички вспыхнули, внезапно обрета цвет – ярко-карий, словно обычное стекло обратилось в драгоценный турмалин. Женщина улыбнулась:

– Я шла убивать, а мне посмотрели в глаза и объяснились в любви. И мир стал немного другим.

Погладила старичка по тощему пиджачному плечу, поправила лацкан с розеткой Почетного легиона...

* * *

Женщина в длинном светлом платье от Мадленн Вионне. Колье на высокой шее, прическа под Бэт Дэвис, белая сумочка с большой красной розой, белые перчатки, на безымянном пальце левой руки – кольцо-саркофаг. Мужчина – невысокий крепыш лет тридцати в костюме из магазина готового платья. Старые ботинки, короткая стрижка, невыразительное лицо. На правой кисти – глубокая царапина, небрежно смазанная йодом.

⁴³ Здесь и ниже цитируется монолог о любви из замечательного фильма «Ninotchka» (1939 г.).

Странные встречи случаются в «Гранд-отеле».

– Мадам Веспер, как я понимаю?

– Да, это я. В следующий раз советовала бы прийти в буденновке и при шашке. Так будет еще выразительнее.

– Для вас – хоть на тачанке... Я только что с самолета, в Ле Бурже какая-то авария, пришлось садиться в Вильнёве. Надел что первое попало, схватил такси. Но... Виноват.

– Пилот был коммунистом и не пускал в салон тех, кто прилично одет?

– Так я и был пилотом, мадам. «Ньюпор-Деляж-29», серийная модель 1925 года, бывший истребитель, ныне – скромный почтальон⁴⁴. А я – Роберт. Это имя, а вот фамилия...

– Фамилию вы забыли, бывает. Тогда я – Ильза.

– Ильза – Почитающая Бога, Веспер...

– ...Венера, Вечерняя Звезда. Так уж назвали. Иногда имя – это просто имя, Хродберт, Блестящий Славой.

* * *

Он курит, она – нет. Пьют одно и то же – виски «Dallas Dhu». Стаканы с толстым дном, минеральная вода в бутылке с высоким горлом. Ни тостов, ни здравий – вразной, по мере охоты.

Работают.

Номер-люкс, бордовые занавеси, гобелены на стенах, ковры с высоким ворсом. Мужчина за столом – папка с бумагами, две перьевые ручки, пресс-папье тяжелой бронзы. Рядом пепельница, пачка «Gauloises sarogal» – крылатый шлем на лиловом фоне, зажигалка.

Женщина в кресле, руки сцеплены на левом колене. Черный египетский саркофаг издали похож на коготь.

Сизый дым. Тихий разговор.

– Мое руководство хочет знать, как будут осуществляться поставки после начала большой войны в Европе.

– Передайте вашему руководству, Роберт, что большой войны в Европе в этом году не будет.

Шелестит бумага, еле слышно скрипит перо дорогого паркера. Мужчина делает пометки, подчеркивает слова, ставит значки на полях.

– Мое руководство хочет знать, с кем мы в дальнейшем будем иметь дело: с вами или с господином О'Харой?

– Передайте вашему руководству, Роберт, что вы будете иметь дело со мной – и только со мной.

Мужчина кажется невозмутимым, женщина тоже. Только присмотревшись, можно заметить, что он слишком сильно прикусывает сигарету, а ее сцепленные пальцы побелели.

– Мое руководство хочет знать, сможете ли вы продать нам изделия из особого списка.

– Передайте вашему руководству, Роберт, что кошку в приличном обществе принято называть кошкой. Хотите новейшие разработки, которые в Европе именуют «инопланетными»? Нет, продать их мы вам не сможем, но кое-что получите бесплатно. Запоминайте: Рудольф Рёсслер, владелец издательства «Вита-Нова». Швейцария, Люцерн, улица Хертенштайн, дом 8, книжный магазин.

Мужчина кивает, откладывает паркер, с силой проводит ладонью по лицу.

⁴⁴ Все упоминаемые в тексте самолеты являются плодом авторского воображения.

* * *

– Ваше руководство, Роберт... Как вы всё прячете, даже смешно! Ваш Сталин ошибается. Ему кажется, что смысл происходящего в том, что Гитлера натравливают на СССР. Это не так. СССР никто не принимает всерьез, вы сейчас значите немногим больше Ирана. Богемского Ефрейтора вскормили англичане, чтобы иметь острастку против победоносной Франции. Потом спохватились, но стало поздно. Гитлер нашел новых друзей и начал играть по своим правилам.

– Вы правы, Ильза, теперь ему помогают очень серьезные люди из Штатов. Но Судеты – это война!

– Никакой войны, Роберт. Гитлер знает главный секрет: ни Франция, ни Англия не станут сражаться из-за чехов. А также из-за австрийцев, швейцарцев, литовцев и поляков. А потом будет уже поздно.

– Насчет Швейцарии вы не ошиблись, там происходит что-то странное. В немецких кантонах началось движение за пересмотр Конституции 1876 года, речь идет фактически о полной самостоятельности. Но Швейцария – это не только сыр!..

– Представляете, что начнется в Европе, если прекратят работу швейцарские банки? Три года хаоса – а потом появится планета Аргентина, о которой пишут в книжках с яркими обложками. Такой исход не входит в мои планы, поэтому наше сотрудничество будет продолжено. Только не тратьте золото на всякие мелочи. Никакие параболоиды и «лучи смерти» вам не нужны.

– А что нужно?

– Алюминий и высокооктановый бензин. И еще – зенитные орудия⁴⁵.

5

– Этих хватит, – рассудил Хинтерштойсер, наблюдая, как очередная железка с шипением погружается в воду. – Нам еще нужен десяток ледовых крючьев. И ты еще про «кошки» говорил, которые с передними зубьями.

Тони Курц, отложив щипцы в сторону, взглянул с упреком. В кузнице он работал с самого утра. Андреас клялся и божился, что сразу же после завтрака придет помочь, но закрутился, завертелся, забегался... Особо виноватым, впрочем, себя не чувствовал, так как тоже был при деле. Каждому – своя забота.

Курц бросил в угол кожаный передник, долго пил воду, потом устало махнул рукой.

– Пошли, лентяй. Есть новости.

В родной Берхтесгаден заглянули не без опаски, но никто их неожиданному визиту не удивился. Привыкли за последний год. Хорошо служить в часе езды от отчего дома! Курц сразу же занял кузницу, решив не откладывать самое важное до Берна, Андреас же принялся кружить по городским улицам, заглядывая ко всем ближним и дальним. И, как выяснилось, не зря.

– Я чего подумал, – начал он, хлебнув пива из тяжелой глиняной кружки. – На пятый день нас искать начнут. Или даже раньше, если начальство нос в бумаги сунет...

– Тише говори! – Тони поглядел по сторонам, нахмурился. – Уезжаем завтра же утром. Вещи сложишь вечером, зайду – лично проверю.

Расположились на летней веранде, в самом сердце большого фруктового сада. Солнце, зелень, беззаботное синее небо, пиво прямо с ледника. Рай!

⁴⁵ Мнение тов. Сталина, высказанное на переговорах с Гарри Гопкинсом 30 июля 1941 г.

– Что уедем – понятно. А потом сюда прикатят по наши души. Спросят, что да как, а главное – куда. Девались мы, в смысле.

Хинтерштойсер, с наслаждением допив пиво, приударил донышком по темной от времени столешнице.

– А мы с тобой – в Берлине!

Полюбовавшись эффектом, закурил, завив дым колечком.

– Марту помнишь? Марту Ранш из соседнего класса? Которую все наши парни того... на танцы приглашали. Она из дому сбежала – как раз вчера, перед нашим приездом. У нее в Берлине какой-то ухажер, то ли пожарный, то ли танцор из оперетты, то ли оба сразу. Смекаешь, к чему это я?

Уловив недоуменный взгляд, пояснил снисходительно:

– Мы же на свадьбу приехали, не забыл? Значит, Марта – твоя суженая. Ну, влюбился ты, бывает. Свадьбу готовили тихую, только для самых близких. Но вот беда! Сманили невесту, бежала, подлая, считай, из-под венца. Ты – за ней, а я, стало быть, за тобой. И все – в Берлин.

– Кто же такому поверит? – поразился Курц. – Я – и эта... Марта Ранш?!

Хинтерштойсер хмыкнул:

– Все поверят. То есть уже поверили. Зря я, что ли, по Берхтесгадену бегал? Знаешь, как тебе сочувствуют?

Курц отставил кружку в сторону, сжал крепкий кулак.

Разжал.

– Когда я тебя буду убивать, не спрашивай, за что. Договорились?

Дождавшись ответного кивка, полез в карман брюк, достал два измятых почтовых конверта.

– С утра таскаю. Кто-то, кажется, обещал в кузнице помочь?

* * *

Слышишь? Выгляни в окно!

Средь дождя и мрака

Я торчу давным-давно,

Мерзну, как собака.

Хинтерштойсер отложил в сторону густо исписанную страницу, взялся за следующую.

Дождь и гром. В глазах черно.

Стерва, выгляни в окно!⁴⁶

– Сам сочинил? – осведомился Курц, не отрываясь от второго письма. Первое, уже им прочитанное, изучал Андреас.

– А ты думал! Сам, конечно! – приосанился Хинтерштойсер. – Правда, в школе мне сказали, что и у Шиллера что-то подобное было. «Дождь и гром. В глазах черно...» Хоть назад возвращайся!

Письмо прислал доктор Отто Ган, их спутник по недавней поездке в Италию. Послание было коротким и не слишком веселым. Доктор сообщал, что его долгожданная командировка в Монсегюр откладывается на неопределенный срок «сами догадайтесь почему». И к подно-

⁴⁶ Перевод Л. Гинзбурга.

жию Эйгера, дабы поболеть за штурмовую команду, он едва ли успеет. Потому как «собрали – и отпускать не хотят».

– Это он про СС, – без особой нужды пояснил Андреас. – Угораздило...

Язык прикусил. В родном городе ни он, ни Тони солдатские выражения себе не позволяли. Зарок!

– ...В-вступить, теперь век ботинки не отмоет. Значит, «черных» тоже мобилизуют.

Курц только кивнул – увлекся чтением. Хинтерштойсер взялся за письмо, подумал, положил на стол.

– Во всех прогнозах – одно и то же. На Эйгере – бури, дожди и сильный ветер. «К черту! Выгляни в окно! Холод сводит скулы. Месяц спрятался, темно. И фонарь задуло». Худшая погода за последние полвека, как на заказ! «Сколько я истратил сил, холод, голод, дождь сносил...» Везучие мы с тобой!

Добросовестный доктор не поленился съездить на столичную метеостанцию и лично переписать прогноз. Еще два, столь же дождливые, с ветром и бурей, ему прислали из Берна и Мюнхена.

Отто Ган и не пытался отговаривать приятелей. Но что он думал, легко читалось между строк.

– Изучил? – осведомился Курц, кладя второе письмо рядом с первым. – А теперь скажи мне, Андреас, ты когда-нибудь забывал веревку, если шел на скалы?

– Ч-чего?

* * *

– Давай еще раз, Тони. Что-то у меня соображалка заклинила. Кто сказал? Когда сказал? Кому сказал? Может, эта тетка – сумасшедшая?

– Не тетка. Баронессе Ингрид фон Ашберг-Лаутеншлагер Бернсторф цу Андлау восемнадцать лет, она поднималась на Монблан, гоняет на мотоцикле и время от времени помогает нуждающимся скалолазам.

– Да, триста марок – сильно. Молодец девица! Но почему...

– У нее есть очень странный друг в Штатах. Вроде как пророк. И ему было видение: мы оба с тобой где-то в горах, холодненькие и печальные, а ты говоришь, что сам виноват...

– Опять я? Как что, так сразу я!..

– «Не взял веревку, такая вот беда». Дословно. Госпожа баронесса – девушка современная, видениям не верит, но все-таки предупреждает. Вдруг ты, Андреас, веревку забудешь?

– Очень смешно! Холодненькие, печальные – и несем бред.

– Это ты несешь, я просто холодненький. А еще этот странный друг написал не кому-нибудь, а самому Джону Гиллу – по поводу Эйгера. Видишь, как о нас заботятся?

– Джону... погоди! Джон Гилл, который «Скалолаз в Южных Аппалачах»? Паук из Кентукки? Тот самый?

– Тот самый. И знаешь, что Паук ему ответил?

6

Окно было открыто настежь, но табачный дым упрямо не хотел уходить. Он не слишком мешал, но женщине почему-то стало тревожно. Табачный дух, чужой запах, чужой город.

...Чужая жизнь.

Тревогу прогнала, как прогоняют надоевшую муху, отодвинула в сторону недопитую бутылку «Dallas Dhu», плеснула минеральной воды в стакан. Опьянения не было, только голова стала тяжелой, словно и она – чужая.

По чужой дороге, в чужом облике, сквозь чужие взгляды, сквозь чужие руки, ради чужой выгоды... Только Смерть будет своей, не на прокат взятой.

Шевельнулись губы, неслышно рождая слова.

Танго!

В этой жизни
танцуем танго,
После смерти
танцуем танго,
Жизнь со смертью
танцуют танго,
Все танцуют,
Господь и дьявол...

Женщина резко выдохнула, прерывая прилипчивую мелодию. За дело! Чистый лист, самопишущее перо паркер, глоток воды.

«Привет, Герда! Привет, маленькая!...»

Дочери она писала два раза в неделю, стараясь четко выдерживать график. Понедельник и четверг, если же не получалось, то вторник и пятница. И письма были одинаковы, как она ни старалась. Сначала, что скучает, потом – подробный разбор того, о чем сообщала дочь, ответы на вопросы, советы – как можно мягче, ненавязчивей. В конце письма, как и положено: «Люблю! Целую! Скоро увидимся!» Вместо подписи – маленькая корона о трех зубцах, словно на гаванских сигарах.

– Разве так можно писать ребенку? – сказал ей как-то муж. – Ты же не оружие продаешь.

Она не обиделась – удивилась. А как иначе? Ребенок – ничуть не глупее взрослого, пусть и мыслит совсем по-другому. С ним надо говорить серьезно, не сюсюкать. Иначе почувствует, что он (она! Гертруда!) для родителей не человек, а забавная игрушка. Слишком сухо? Но она же пишет «Люблю!»

«Сейчас я снова в Париже. Не завидуй, маленькая, здесь очень шумно и не слишком уютно...»

Несколько раз она порывалась забрать дочь из их маленькой берлинской квартиры. Но понимала – некуда. Гостиничный номер, даже «люкс» с бордовыми шторами на окнах, не заменит дом. Пусть все идет как идет, жаль только, что дом этот – бумажный, словно фонарик на китайском весеннем празднике Чуныцзе. Уютный, светящийся теплым живым огнем, но такой хрупкий...

«...Не верь газетам и не пугайся. Войны не будет, никто ее не хочет, все кончится тем, что крикуны охрипнут и вернутся к своим делам. Но будь осмотрительна. В пансионе не говори лишнего, твои подруги еще маленькие, они тебя не поймут или поймут неправильно. Хочешь поговорить о политике – говори с Каем. И не жалуйся, что он не разбирается в мировой финансовой системе. Я в ней тоже не разбираюсь. Такие мы с Каем отсталые...»

Родительский дом она оставила очень давно. Забыла. Заставила себя не вспоминать. Потом, привыкнув и повзрослев, научилась чувствовать себя камешком, маленьким, но твердым. Упрямым алмазом под чугунным молотком. Январским льдом на крещенские морозы.

Не разобьюсь! Не сломаюсь! Выживу!

А потом она посмотрела в глаза... А потом он посмотрел ей в глаза...

Нет, она не полюбила. Любить можно детей, но не мужчин. В их устах «любовь» – всего лишь слово, затасканное и пустое, как раз для безумного старичка с розеткой в петлице. Рыбки, мошки, розочки с тюльпанчиками... Ложишься на спину, прикрываешь веки и стараешься не морщиться, когда тебе дышат в лицо. Или сама отдаешь команды, с наслаждением чувствуя,

как чужая похоть сменяется удивлением, растерянностью... испугом. Сбавить бы старичку лет семьдесят, а еще лучше – восемьдесят пять. Много бы он понял, романтик!

Впрочем, нет, пусть не молодеет. Изменять мужу она не любила и делала это без всякой охоты.

«...Я полностью с тобой согласна – преследования евреев омерзительны, а Нюрнбергские законы много хуже тех, что были в Средневековье. Но вслух лучше ничего не говорить. Пострадаешь и ты, и те, кто тебя слушает. Если нужно кому-нибудь помочь, помогай тайно. И обязательно посоветуйся с Каем!..»

«Я тебя люблю!» Не поверила, не приняла всерьез. Но в самой глубине чужого взгляда ей внезапно почудился теплый отсвет маленького бумажного фонарика, горящего среди черной шанхайской ночи. Испугалась, не сразу нашла нужные слова... Они ведь с Каем собрались тогда воевать! Смешно? Ничуть, ее босс всерьез невзлюбил парня, особенно после фиаско на реке. К счастью, она уже знала, за какие рычажки дергать. Достаточно в разговоре с грозным О'Харой невзначай назвать неказистого, даже смешного с виду мистера Мото «майором»...

– Никто никого не будет убивать, – сказал ей мистер Мото. – Над Монтекки и Капулетти есть еще генеральный штаб, а там не хотят войны. Насчет же Марека... Парень вас действительно любит. Решайте сами, госпожа Веспер, но знаете, по слухам, жизнь кончается не смертью, а трибуналом. Спросят...

А потом настал час выбора. Ясная, уже протоптанная тропа на самый верх – или неверный свет хрупкого бумажного фонаря. Она решилась. О'Хара, реалист из реалистов, не поверил, посчитал это обычной женской местью. Ждал, терпел, подсмеивался. А потом все-таки решил наступить на фонарик своим тяжелым ботинком.

«Ничего личного, просто business». Даже мертвецу она не стала говорить всей правды. Вдруг и в самом деле услышит в своем аду?

«...Снежная Королева никогда тебя не обманет, Герда! Лето мы обязательно проведем вместе. Встретимся, скорее всего, в Швейцарии, тебе же очень нравятся горы. А о том, куда поедem, решим все вместе: Герда, Кай и твоя Снежная Королева...»

И вроде бы все в порядке, Гертруда закончила школьный год с отличием, учителя нахвалиться не могут, на письма отвечает аккуратно, тоже два раза в неделю, не болеет, убирается в квартире, готовит – куда лучше, чем она сама. И Кай ее любит, как мало кто может любить чужого ребенка. И у нее, потянувшейся к теплему огоньку, есть семья, есть дом, порог, который можно перешагнуть, мужчина, чье дыхание не заставляет морщиться.

Жаль только, что фонарик – бумажный.

7

– Здесь, пожалуйста. Да-да, где чугунная калитка. Сколько с меня?

Легко ли найти приличное жилье в Берлине? Если и город так себе, и цены даже не кусаются, в клочья рвут? И не всякий район хорош. В центре шумно, на окраинах – от заводского дыма не продохнешь. После Шанхая с его небоскребами, роскошными европейскими кварталами и огромными проспектами – провинция. И всюду – немцы, немцы, немцы.

Марек Шадов, развездной торговый агент, старательный, но, по единодушному мнению соседей, не слишком удачливый, поблагодарив таксиста, захлопнул дверцу авто, поправил так и норовившую съехать на нос шляпу. Вот и вернулся! Тротуар, молодые тонкие липы, бетонный забор с фигурной железной решеткой, калитка – темный чугун, массивная бронзовая ручка. А дальше – здание в четыре этажа, светло-голубые, в цвет утреннего неба, стены, ровные линии, прямые углы⁴⁷.

⁴⁷ Описан реальный дом и столь же реальная квартира. Автор – большой поклонник конструктивизма.

На месте? Почти.

Марек поднял с асфальта чемодан, но идти не спешил. Эти короткие секунды между дорогой и домом были его законной наградой. Всё позади, сейчас он пройдет через калитку, сделает семнадцать – ровно семнадцать! – шагов по асфальтовой дорожке, потом свернет направо. Первый подъезд, двойная, недавно выкрашенная дверь, справа – маленькая будочка консьержа, которого здесь именуют исключительно «привратником» (привет доктору Эшке!). Слева – лестница. Второй этаж, ключи в кармане, тоже правом.

Сейчас он будет дома.

Марек Шадов взял чемодан, сделал первый шаг к железной калитке...

Квартиру он выбирал сам. Мужчина, глава семьи – положено. ОНА не стала спорить. Удивилась лишь, когда Марек заявил, что за жилье намерен платить из своего кармана. И за школу для Герды. И за пансион. Поглядела чуть насмешливо, сжала губы:

– Надеюсь... наша дочь не будет голодать?

Хотела сказать «моя», но в последний миг исправилась, и Марек был ЕЙ за это благодарен. Иногда, в редкие мрачные минуты, ему начинало казаться, что они лишь играют в семью, и все, что у него есть, – чужое, взятое взаймы...

Но в любом случае ОНА играла честно.

Квартиру он нашел. Район Пренцлауэр-Берг, поселок Карла Легина – заповедник разноцветных геометрических фигур, память о короткой эре германского конструктивизма. Никакой красоты, ни малейшего изыска, зато много света – и воздуха много...

Конструктивизм ныне не в моде. В Рейхе предпочитают дома с куполами и огромными колоннами, рядом с которыми человек ощущает себя вошью.

Этаж первый. Этаж второй...

Он открыл дверь, шагнул за порог и сразу же почувствовал запах табачного дыма. Поставив чемодан, снял шляпу и постучал костяшками пальцев в дверь, что вела налево, в маленькую комнату, одну из двух. Дождавшись «Входи!», взялся за медную ручку.

– Это я, Герда! Привет!..

Девочка – светлые волосы, вздернутый острый нос, неожиданно твердый мужской подбородок – полусидела на кровати, пристроив подушку под спину. В правой руке сигарета, в левой – книга, утыканная закладками. Пепельница на простыне, смятая газета – на коврике.

Улыбнулась, затушила сигарету, книгу закрыла.

– Привет, Кай! Ты меня поцелуешь – или отправишь рот полоскать?

Глава 3

Отомар и Гандрий

Яичница и кофе. – Эскадрилья прикрытия. – Близнецы. – Башня Цитглогте. – Книжка про шпионов. – Настоящий мужчина. – Существа, не приспособленные к жизни. – Новая игрушка. – Пули из ствола. – Имя для броненосца.

1

К табачному запаху прибавился мятный, ее щека, наскоро и небрежно вытертая, была влажной и неожиданно холодной. Капля воды уютно пристроилась на самом кончике носа.

– Прополоскала. Готова!

Терпеливо переждав поцелуй, ухватила его за шею, прижалась носом к пыльному пиджаку, замерла.

– Только не спрашивай, когда я брошу курить, ладно? Иначе мне снова придется отвечать, и мы поругаемся. А я не хочу. И вообще, ты приехал на день позже, чем обещал.

Марек (в этих стенах – Кай) попытался ответить, объяснить. Его вина! После столь успешных гастролей доктора Эшке пришлось ехать не прямо в Берлин, а с пересадкой.

Не успел.

– Получила я твою телеграмму! Получила!.. «Все в порядке, не волнуйся!» А чего мне волноваться? Всего одна ночь в пустой квартире, а я – совсем взрослая девочка...

Уезжать из дому приходилось часто, куда чаще, чем ему бы хотелось. Если больше чем на два дня, Герда отправлялась в пансион на соседней улице, который успела искренне возненавидеть.

Только не спрашивай...

– Герда, ну когда ты бросишь курить?

– Когда мы будем жить все вместе, Кай. Ты, я – и Снежная Королева.

Девочка дышала тихо, словно спала. Марек коснулся рукой ее мокрых волос, погладил по щеке, поцеловал в ухо. Герда, мотнув головой, провела ладошкой по мокрому носу.

– Не обижайся, Кай. Страшно было ночью. Очень страшно! Мне показалось... Не смейся, ладно? Будто мне кто-то сказал, что ты не вернешься. И Королева не вернется. Я останусь здесь одна, в пустой квартире, буду ждать – и не дождусь. А потом полиция взломает дверь, и меня отведут в приют. Как Марту из нашего пансиона, у которой родителей арестовали.

Выдохнула, попыталась улыбнуться:

– Я свет не выключала, но только одну лампочку, которая над кроватью. Много не нагoreло, не беспокойся... Я уже узнала – это называется «контрастность», искажение восприятия. Из той книжки по психологии, которую ты мне подарил.

Марек ничуть не удивился, лишь представил, что это ему десять лет, и не Герда, а он, маленький Отомар, берет в руки тяжелый том с названием в две строчки.

– Только имей в виду, бром я пить не буду. Редкая гадость, хуже трескового жира!..

Девочка отпустила его шею и, взяв со столика гребешок, подошла к висевшему на стене зеркалу.

– Сейчас. Минута – и стану похожей на человека... Ты, Кай, конечно же, голодный, но самому тебе готовить лень. В кафе, что на углу, я тебя не отпущу, там ужасно. Лучше сделаю тебе яичницу. Тебе, как обычно: один глазок разбить, один оставить?

Мареку стало стыдно, но в кафе с поэтическим названием «Утренняя страна» кормили и в самом деле плохо, хуже некуда.

– Один оставить, да. А кофе я приготовлю сам.

Чаще всего они так и завтракали – вдвоем. У плиты возилась Герда, если же нет, то накрывала на стол и мыла посуду. Но в те редкие дни, когда в Берлин приезжала ОНА, девочка заявляла, что готовить разучилась, а где находится кухня, не помнит. Жена смеялась – и заказывала еду в ближайшем ресторане.

Однажды, после очередного ЕЕ отъезда, Герда долго молчала, а потом спросила шепотом:

– Кай! А может, я маме не нужна?

Первый раз на его памяти Снежная Королева лишилась своего титула.

* * *

Яичница удалась на славу, а вот кофе выпить так и не пришлось. Марек успел лишь поставить медную турецкую джезvu на огонь, чтобы дать ей немного прогреться. Воды пока не наливал. Настоящий кофе готовится не спеша, вдумчиво...

– Наверно, соседи, – рассудила Герда, услышав трель электрического звонка. – Ты не отвлекайся, я открою.

Он чуть было не согласился, но пальцы, державшие джезvu, внезапно дрогнули. Он только успел приехать, и часа не прошло. Но если его увидели в окно и позвонили по телефону – те же соседи, к примеру, – неожиданным гостям самое время появиться.

«Крабат!.. Кра-а-абат!..»

– Я сам. Не выходи пока, будь здесь.

Поставил джезvu на стол, снял фартук, подмигнул девочке.

«Крабат!.. Иди в Шварцкольм на мельницу!»

Спрашивать «кто?» не стал. Черного хода в квартире нет, а из окна не выпрыгнешь. Хоть и второй этаж, а высоко. И он не один.

Открыл.

Попятился.

– Это ты так в гости приглашаешь? – засмеялся тот, кто стоял за порогом.

И подмигнул.

2

– Смотри-смотри! – выдохнул Хинтерштойсер. – Да погляди же ты!..

Не выдержав, ухватил друга Тони за плечо, тряхнул от души. Тот с явной неохотой оторвал взгляд от газеты.

– Что?

На этот раз и слов не нашлось. Андреас молча ткнул пальцем прямоком в открытое окно купе. Курц, взглянув недоуменно, пожал плечами.

– Боденское озеро, едем по расписанию. Думал, заблудились?

Хинтерштойсер открыл рот... Закрыл. Наконец ухватил-таки нужное слово за хвост.

– Г-горы! Там!..

Там – за озерной ширью. Каменистый неровный берег, белые барашки волн, беспокойная водная гладь, серо-зеленая у берега и темная, почти до черноты, вдали. А за всем этим – многоглавая гряда, увенчанная белыми шапками.

Альпы.

– Дальше, за ними... Эйгер там! Понимаешь?

Курц положил газету на столик, улыбнулся:

– Ну, не совсем за ними. Андреас, ты что, гор не видел?

– О-о! – встрепенулась их соседка, полная румяная дама весьма преклонных лет. – Молодые люди первый раз в Швейцарии? Как я вам завидую!..

Молодые люди переглянулись.

– Не первый, майне фрау, – как можно вежливее пояснил Хинтерштойсер. – Но очень соскучились.

И вновь вцепился взглядом в белые ледяные вершины, все еще не решаясь поверить. Неужели вырвались?

...Вырвались, вырвались, вырвались! Эйгер, Норванд, Стена!..

– В Швейцарии, господа, вам непременно следует пройти курс в кефирном санатории, – рассудила дама. – Уж извините, но в прежние годы быть столь худыми, как вы, считалось мове-тоном. А весь секрет – в правильном пищеварении.

Андреас попытался ущипнуть себя за живот и разочарованно вздохнул.

– ...Настоящий мужчина должен быть толст и уса, господа! Кстати, лучший кефир здесь, чтобы вы знали, в Шлейдеке. Такой милый городок! Я, правда, не была там уже лет сорок...

Вслед за этим последовало предложение вместе посетить вагон-ресторан, дабы не пропустить время обеда. Не найдя понимания, дама взглянула на приятелей с горькой укоризной.

– Я бы сказала, что вы, господа, похожи на анархистов, но в наше цивилизованное время даже они правильно питаются!..

И отбыла, прошелестев юбками. Тони, проводив ее взглядом, взял со столика газету – утренний выпуск «Süddeutsche Zeitung», приобретенный в киоске перед самой границей.

– Не хотел при ней. Слушай новости!..

– Про политику – не хочу! – отрезал Хинтерштойсер. – Шли бы они все!..

На душе скребли кошки – про Фрауэнфельд приятелю он так и не рассказал. Да и что это изменит? Все и так на виду, никаких газет не надо. Пока ехали, насмотрелись на военные эшелоны чуть ли не на каждой станции. Из репродукторов марши гремят, а между ними то «Судеты», то «Австрия», хоть уши затыкай. Про Швейцарию пока вроде бы молчок...

– Ну и зря. Хорошо, что мы с тобой до Берна едем. В Цюрих бы не пустили, там какая-то крупная заваруха. Вроде бы над ратушей знамя со свастикой подняли. Кажется, и в Швейцарии начинается⁴⁸.

Выходит, уже и не молчок...

– Обещанная фюрером «германская весна» плавно перетекает в одноименное лето. А французы и русские, между прочим, уже подтягивают войска к границе...

– Не хочу! – мотнул головой Андреас. – Мы для того и сбежали, чтобы об этом не думать. Про Эйгер что пишут?

Тони взглянул удивленно:

– Как – что? Норванд, последний неприступный склон в Альпах, будет непременно взят. И знаешь кем?

Хинтерштойсер даже не стал отвечать ввиду полной ясности. Не в кефирный же санаторий они едут! Курц хмыкнул и развернул перед ним газетный лист.

* * *

– «Эскадрилья прикрытия "Эйгер"»? Во дают! Они там что, летать собрались?

– Тебе, Андреас, в школе надо было на уроках учителей слушать, а не в церковном хоре своим козлетоном народ пугать.

⁴⁸ Автор отнюдь не выдумал «германскую весну» в Швейцарии. В историю она вошла как «весна фронтов». В нашей истории конфедерация сумела устоять, но главным образом потому, что Рейх не поддержал сторонников пересмотра Конституции в пользу немецкого большинства.

– Сам ты, Тони, козлетон! У меня, между прочим, настоящий тенор, я чуть-чуть, самую малость, до си-бемоль не дотягиваю. И было бы чего слушать! СС и есть СС, «охранные отряды».

– А также «эскадрилья прикрытия». Это Геринг придумал, он, как ты знаешь, летчик. Вот и называли команду, которая раньше была «гэнгз». Но «гангстеров» в «Фолькише беобахтер» поминать как-то неприлично. Арийский читатель не поймет!.. Не в «эскадрилье» дело, Андреас. Помнишь, ты спрашивал, кого они на Эйгер пошлют? Вот и я спрошу. Мы же всех наших знаем, которые из «категории шесть»!

– Да мало ли? Выдернули из строя парочку белобрых болванов...

– Нет, Андреас. Их принимал лично Гиммлер, значит, в успех он верит. Даже зная какое-то вручил, чтобы на вершине установили. Муссолини-то со своими встречаться не стал.

– Да какая разница, Тони? Принял, не принял...

– Политика, Андреас! Та самая политика, которую ты так не любишь. От Италии идут две команды, в том числе Бартоло Сандри и Марио Менти. Очень сильные ребята, мы их знаем. Если бы Дуче с ними встретился, они были бы обязаны лечь костями, но Северную стену взять. Или просто лечь костями. А раз не встретился, то – по возможности.

– А Гиммлер «эскадрилье» зная вручил... То есть, выходит, итальянцы Эйгер нам отдают?

– Не нам с тобой, Андреас. Мы в этом раскладе – совершенно лишние.

– Вот и пусть занимаются своей политикой. Им – политика, а нам – Стена!

3

В последний раз он смотрелся в зеркало перед тем, как попасть на кухню. Мельком, мимо проходя. Думал волосы пригладить, а потом решил – сойдет. Зеркало висело в коридоре, от вешалки справа. Еще одно, маленькое, было в комнате у Герды и, венец всему, трюмо – в большой, где балкон.

Сейчас перед ним открылось новое, прямо в четырехугольнике дверного проема. Изображение казалось ясным и четким, хотя не слишком точным. Он – без пиджака, в одной рубашке, изображение в строгом черном костюме при галстуке и шляпе. А еще у него не было портфеля – и маленькой щеточки усов под носом. А так – и не отличить.

Глаза в глаза. Один и тот же цвет роговицы, один и тот же взгляд.

Изображение улыбалось. Он попытался – не смог.

– Заходи!

Изображение перешагнуло порог, стирая нестойкое волшебство. Чуда нет, нет и зеркала, просто двое очень похожих, словно капли осеннего дождя, людей.

– Pa, zdravo, Otomar!

– Zdravo, Gandrij!⁴⁹

Обнялись. Замерли. Дыхание затаили. Наконец тот, что был в рубашке, отступив на шаг, провел сжатым кулаком по глазам.

– Ako ste doshli, to znachi kraj sveta je blizu. Коня бледного во дворе оставил?

– Tako neshto, – отозвался голос-эхо. – Ali ipak, mahnito drago da te vidim. Очень рад!

Гость снял шляпу, повертел в руках.

– Gde to hang? – усмехнулся. – Не завел себе в прихожей оленье рога – такие, как у деда висели? Oni su tamo mzhdu nachin, i dale visi.

Тот, что в рубашке, рассмеялся в ответ:

⁴⁹ Здесь и ниже автор использует не язык лужицких сербов, а родственный ему сербохорватский, как более понятный читателю. Персонажи радуются встрече, после чего обсуждают, куда следует повесить шляпу.

– Sam rogovì rastu!

Шляпу взял, пристроил на вешалке:

– To je neshto shto sam sanjo Krabat! Помнишь? «Крабат!.. Иди в Шварцкольм!..»

Гость, капля дождя, взглянул удивленно:

– В самом деле? Это знаешь, не слишком лояльно по отношению к Рейху. Крабат ныне отменен, как никогда не бывший. Сорбов вместе с их мифологией, да будет тебе известно, выдумал австрийский Генеральный штаб, чтобы помешать Пруссии...⁵⁰

– ...Исполнить ее историческую миссию – объединить всех, в ком течет немецкая кровь. Когда мы услышали это от одного нашего одноклассника, мы его, помнится, крепко побили...

– Ай!..

Стоящая в дверях светловолосая девочка протерла глаза, отступила на шаг.

– Д-добрый... Добрый день! Или мне лучше уйти?

Гость почесал ногтем кончик носа, взглянул снисходительно.

– Фройляйн Гертруда, насколько я понимаю? Желаете оставить своего отчима мне на съедение?

В светлых глазах вспыхнул неожиданный огонь. Девочка шагнула к Мареку, взяла за руку, вцепилась в пальцы.

– Он – мой папа, ясно?

– Ну, тогда, здравствуй, племянница!

* * *

Капли дождя неотличимы на глаз, но одна все равно упадет на землю раньше. Близнецы родились с разницей всего в несколько минут. Тому, кто появился на свет первым, акушер повязал на запястье красную нитку.

Старшего называли Отомаром в честь мудрого и справедливого короля сказочной Липарии. Роман «Всеобщий мир» голландца Людвига Куперуса очень нравился отцу. Младший стал Гандрием. Дальний родственник, бабушкин дядя Гандрий Зейлер, был автором слов сорбского национального гимна.

Имя – Судьба. Но и Судьба способна шутить. Носивший сказочное имя не любил сказок. Тетка одного из отцов сорбской нации предпочел стать немцем.

– Харальд Пейпер, прошу любить, жаловать и в дальнейшем не путать!

– Кто же таких у нас любит, брат?

– У нас – нет. Но мы же едем в Берлин!

Приехав в столицу, братья расстались на вокзале Зюдкройц и с тех пор виделись редко. Отомар-Марек устроился в театр-варьете, знаменитую «Скалу», на должность помощника машиниста сцены. Гандрий-Харальд не спешил искать работу. Бегал по демонстрациям и митингам, присматривался, внимательно слушал – и наконец записался в «Югенбунд»⁵¹. Там кормили, взамен же требовалось немного: громко орать и, в случае приказа, пускать в ход кулаки.

– Мы оба с тобой рабочие сцены, – сказал младший старшему в одну из их редких встреч. – Но это лучше, чем твои проститутки у рампы – и мои педерасты в штабе.

А потом Марек сел на пароход и уехал в Шанхай. За все годы он написал брату три письма. В ответ получил одно. Вновь встретились только в 1931-м. Проговорили весь вечер – и каждый решил, что больше им видеться незачем.

⁵⁰ Автор ни на что не намекает.

⁵¹ Нацистский молодежный союз.

* * *

– ...Почти как дома! – улыбнулся гость, допивая кофе. – Герр Шадов, вы – достойный продолжатель славной традиции. Настоящий турецкий рецепт! Вы в курсе, фройляйн Гертруда, кем был наш общий предок? Или ваш... папа оставил вас в неведении?

Паузу перед «папа» девочка прекрасно уловила. Но виду не подала.

– А я еще маленькая, герр Пейпер. Когда папа захочет, тогда и расскажет.

Моргнула, поглядела наивными глазами...

«Дядя» был проигнорирован, что, конечно же, не укрылось от гостя. Герр Пейпер, однако, ничуть не обиделся. Поставил чашку на стол, промокнул салфеткой губы.

Вновь подмигнул брату:

– Держишь в тайне? Тогда пусть фройляйн считает, что я просто пошутил.

– Хочешь – рассказывай, – старший пожал плечами. – Невелик секрет! Могу и сам. Наш предок – полковник австрийской армии, командир полка кроатов. По легенде, он дружил с Георгием Кульчицким, героем битвы под Веной. От него и узнал рецепт. А Кульчицкий открыл первое венское кафе, которое называется...

– ...«Синяя фляжка», – подхватил брат. – Кстати, я там был всего неделю назад. Кофе и вправду божественный.

– Тогда я пойду, – рассудила Герда. – А то вы до вечера про кофе говорить будете.

Возле двери остановилась, поглядела в окно.

– И вообще мне все это приснилось. Правда?

Мужчины переглянулись. Негромко хлопнула дверь.

– Наш характер, – негромко проговорил младший. – А моя размазней растет. Маменькина дочка, бабушкина внучка! Куклы, бантики, любимый шоколад «Золотая печать»...

Резко повернулся, приударил ладонью по столу.

– Адреса я твоего не знал, где служишь – тоже. Помнил лишь, что где-то в Берлине... Я нашел тебя за сутки, Отомар, – сам, без помощи агентуры, хотя квартира куплена не на твое имя, и ты, хоть и коммивояжер, не числишься ни в одной торговой фирме. Догадываешься, что это значит?

Старший пожал плечами.

– Вероятно, то, что мне не стоило уезжать из Шанхая. Но там сейчас большая война... Если бы меня искала обычная полиция, я бы еще понял. Но ты ведь не из обычной?

Гость, криво улыбувшись, встал и подошел к плите, возле которой скучал принесенный им портфель. Взял за ручку, поставил посреди стола.

– Приступаем к фокусам. Считай, что это шляпа, а в ней кролики.

Марек Шадов, не став спорить, щелкнул медным замочком, открыл, заглянул.

– Доставай! – подбодрил младший. – Там почти все – твое.

...Вчетверо сложенная афиша, углы слегка примяты, левый нижний оторван. «Вольфанг Иоганн Эшке. Инопланетяне: сказка или реальность?» Машинописные листы, тоже сложенные, но вдвое – договоры с лекториями. Несколько билетов, фотография, еще одна...

– У тебя такой? – поинтересовался младший, когда из портфеля был извлечен резиновый шарик. Марек взвесил его на ладони, сжал:

– Не такой. У меня – каучуковый. С резиной не поработаешь.

Пошарил рукой в портфеле, взглянул недоуменно:

– А там что за железо? Надеюсь, не мое?

– Не твое, – равнодушно проговорил Харальд Пейпер. – Но если хочешь, оцени.

Легкий стук. Посреди стола, рядом с портфелем – серая тяжелая сталь. Длинный ствол, деревянная рукоять.

– Борхардт-Люгер 1914 года, – констатировал старший. – Карабинная модель... Кобуру на службе забыл?

Младший поморщился:

– Если бы только кобуру! Там еще приклад, диск на 32 патрона и экспериментальный оптический прицел⁵². Наши умельцы решили скрестить бульдога с носорогом. Пытался пристрелять, бьет не кучно... Клади назад, к лекциям про инопланетян эта штука отношения не имеет. А вот все остальное...

Подождав, пока пистолет вновь нырнет в портфельные недра, развернул афишу, звонко шелкнул ногтем по бумаге.

– В этой истории, Отомар, есть только один положительный – для тебя! – момент. Мое начальство не знает настоящей фамилией доктора Эшке. Пока не знает, пока! По фотографиям сразу не определить, грим мешает. Но стоит им присмотреться, потом взглянуть на меня... Или, что вероятнее, найти тебя – и тоже взглянуть. Оба варианта нас с тобой совершенно не устраивают.

Старший брат встал, подошел к подоконнику, поглядел сквозь чистые, недавно вымытые стекла. Все привычно: двор, два гаража, сосед как раз открывает ворота. В последнее время он и сам подумывал купить машину, что-нибудь подержанное, после серьезного ремонта. В самый раз для разъездного торгового агента.

Жену он просил не подъезжать к дому на автомобиле. «Mercedes-Benz 500K» сразу бы вызвал вопросы. Та не спорила, брала такси.

– Никогда не думал, что тебя подведу, Гандрий. И нарушение-то плевое. В конце концов «доктора Эшке» можно считать творческим псевдонимом. Между прочим, документы подлинные, правда, настоящий доктор, если еще жив, скучает в шанхайской психиатрической лечебнице. Что мне грозит? Статья за присвоение чужой личности? Или... Или обвинение в шпионаже в пользу планеты Венера, а заодно и пояса астероидов?

– Значит, уже знаешь.

Младший успел незаметно подойти и стать рядом. Сжатые кулаки – на подоконнике.

– Сейчас мы сядем, я налью в стакан воды... Чего-то в горле пересохло... И ты, Отомар, станешь меня внимательно слушать, не перебивая и не задавая вопросов. Но для начала ты должен знать, что я не Каин и никогда им не стану.

Тот, кому когда-то повязали на запястье красную нитку, еле заметно дрогнул губами:

– Оставь. Мы близнецы. Нельзя предать самого себя.

– Можно, брат, – Харальд Пейпер зло оскалился. – Этим сейчас занята половина Рейха. А вторая – уже предала. Но – не мой вариант. Даже если я сейчас тебя арестую и отведу в наш подвал, мне и спасибо не скажут. Мы слишком похожи, узнать настоящие имя и фамилию – пара пустяков, достаточно послать запрос туда, где нам выписали документы. И – мне конец. Мы же с тобой сорбы! Ты не скрывал, а я назвался немцем, взял чужую биографию. Кто же его знал?

...Отомар Шадовиц просто отрезал от фамилии несколько букв. Гандрий же попросил вписать в новый документ фамилию соседа, таможенного инспектора, ненавидимого всей улицей. Зато – настоящего немца. Светлые волосы, пивное брюхо...

– Наци – опасные психи, относятся к людям, как к племенному скоту. Офицер СС должен числить арийских предков с 1750 года. Сделать это было не так и сложно, изъяс из архива документы настоящих Пейперов, благо там все померли. А теперь меня выкинут из СС, из партии и, понятно, со службы. В концлагерь, может, и не отправят, чтобы лишнего шума не было, но выход у меня тогда останется один – бежать из страны. Это в самом лучшем случае,

⁵² Автор выполняет свое обещание и предъявляет читателю «люгер» с оптическим прицелом. На очереди револьвер «наган» с барабаном на восемь патронов.

брат, если очень повезет. Вероятнее всего, тебя убьют, а меня – в Дахау. Стану «болотным солдатом». Знаешь, кто это?

Старший чуть подался вперед, к самому стеклу, прикрыл веки:

Мы застряли безвозвратно,
За побег ты жизнь отдашь,
Обведен четырехкратно
Частоколом лагерь наш.

Пел шепотом, почти не открывая губ. Младший усмехнулся горько и подхватил, тоже шепотом:

Солдат болотных рота,
С лопатами в болота – идем...

Теперь пели оба, два шепота слились в единый голос, негромкий, но сильный:

Не томись тоской бесплодной,
Ведь не вечен снег зимы,
Будет родина свободной,
Будем с ней свободны мы!
Болотные солдаты,
Идем среди проклятых – болот...⁵³

Замолчали, поглядели друг на друга. Брат на брата...

– У тебя здесь можно курить?

– Тебе – можно.

* * *

Плеск воды, негромкий щелчок зажигалки...

– Ты скажешь, что я сам виноват, брат, по вору и мука. Не стану оправдываться, я просто ошибся, и не я один. Национал-социализм – он очень разный. Мы здесь, в Берлине, поддерживали Отто Штрассера, а Ефрейтора считали самовлюбленным мелким буржуйчиком, которого надо выкинуть из партии. Теперь Штрассер мертв, а мне и моим друзьям приходится молчать. Но – поглядим. Ефрейтор зарвался, пошел походом против всей Европы, как бы шею ему не свернули... Ну, а мы, если что, слегка поможем.

Снова плеск воды, негромкий стук – стекло ударило о столешницу.

– А пока надо просто выжить. Мне верят, числят «старым бойцом», я ведь в партии с 1927-го. И со службой повезло, таких, как я, никто из чужих не проверяет, а свои – они и есть свои. Но недавно у нас появился новый босс. Кличка – Козел⁵⁴, задница шире плеч, голос, как у скопца из Ватикана, но, понятно, истинный ариец. Очень опасный человек! Знал бы заранее, попросился бы в криминальную полицию, там спокойнее. Козел – он не просто Козел, он с идеями...

Молчание, резкий щелчок зажигалки. Еще раз, еще...

⁵³ Использованы переводы С. Болотина и А. Штейнберга.

⁵⁴ Его и хуже называли.

– Не иначе, кто-то поминает. Знаешь эту примету, Отомар? Если сигарета гаснет... Ты в нашей кухне не разбираешься, поэтому кое-что объясню. Почему наши бонзы, начиная с Ефрейтора, так часто орут о единстве, хоть «германском», хоть каком? Да потому что наверху у нас никакого единства нет, раздрай, как в банке с пауками. Каждый, у кого есть хоть кусочек власти, рвется проводить собственную политику, чтобы всех прочих перегнуть и обставить. Судеты – это Геббельс, его идея. Пообещал, бычок недокастрированный, что без войны обойдется. Мирное немецкое восстание – и Европа перед фактом. Чем кончилось, сам видишь. Опасная он сволочь, Колченогий! Всех в беду втравил. То ли дело наша служба. Мы Австрией занимались. Всего полгода работы, а результат? Вот сейчас проголосуют – и в дамки, вводи войска! Проголосуют, не беспокойся. Главное, не что в урну кидают, а кто это подсчитывает.

Легкий стук, шелест бумаги, снова стук.

– Вот... Красивая афиша, сам бы сходил про марсиан послушать. «Доктор Эшке, знаменитый филолог-германист»... И до него добрались. У Козла, нашего нового босса, тоже своя политика. Дело в том, что Ефрейтор всерьез поверил, будто в Судетах и Тешине чехи используют какое-то сверхоружие. Инопланетное ли, другое какое – не важно. Кстати, по сведениям нашей агентуры, неизвестные нам технологии действительно существуют.

Снова щелкает зажигалка.

– Точно поминают, знать бы кто... Итак, Козел решил это оружие найти – и представить по начальству. Он думает, что болтовня про марсиан – умелое прикрытие. Кто принимает фантастов всерьез? Ездит себе по Германии доктор Эшке, сказки рассказывает. Для чего, спросишь? Ну, к примеру, для деморализации подданных Рейха. С одной стороны, его лекции, а с другой – слухи, будто в Судетах нашу колонну неведомо чем в лепешку расплющило. Нет, это не я дурак, с Козла спрашивать надо. Инопланетян мы пока отправить в подвал для допроса не можем, поэтому занялись теми, кто с ними знается. После применения соответствующих методов они расскажут и про Марс, и про Венеру, и про Альфу Центавра. А не выйдет с новым оружием, можно будет оформить раскрытие заговора. Ефрейтору это понравится. Он ведь считает, что Земля – полая, мы живем на внутренней поверхности, а в центре – свечка горит. Поэтому инопланетян не существует по определению, как и сорбов.

Плеск воды, легкий стук. Ладонь бьет по дереву.

– А теперь о том, как тебе, Отомар, унести отсюда ноги. Времени мало, дня через два никаких тайн уже не будет. Твои фотографии разошлют всем пограничным постам, а по Рейху пустят частый гребень. Условий у меня два. Ты действуешь точно по плану, иначе погорим мы оба. Это первое. И второе – надо вывезти из Германии еще одного человека...

4

Башня Хинтерштойсеру очень понравилась – ни дать ни взять дедушкины часы с маятником, что стоят в гостиной. Там тоже башенка – ровный серый квадрат, хитро изогнутая крыша, острый шпиль. И циферблат похож: темный, с вызолоченными римскими цифрами и тяжелой стрелкой-булавой. Только и разницы, что в Часовой башне славного города Берна внизу, как раз посередине, прорезана арка.

11.53. Андреас сверился со своими наручными, кивнул довольный. «*Helvetia*»! Пусть не из самых известных, а идут хорошо. Их тоже дед подарил – на шестнадцатилетие. До сих пор – минута в минуту. И падал с ними, и в речке купался...

«*Helvetia*», кстати, и есть «Швейцария». Даже приятно!

Башня понравилась, а вот улица – не очень. Хинтерштойсеру были не по душе дома выше двух этажей. А здесь не просто много, но над ними, под самой крышей – козырек, да такой, что хочется на другую сторону улицы перейти. Но и там он же, причем на каждом здании.

Так и кажется, будто попал в ущелье, козырьки – ледяные, а солнышко греет, лед нестойкий, весенний...

И не убежать. Курц высказался ясно и точно: Часовая башня, она же Цитглогге, западный фасад, с 11.30 до 12.00. А если ничего не произойдет, ждать до результата. Кого ждать – или чего – не просветил.

Андреас вновь хотел сверить часы, но вдруг услышал, как где-то совсем неподалеку подал голос петух.

– Кикерики!..⁵⁵

А вдогон, чтоб веселее было: «бом! бом!»

Можно даже не смотреть – 11.56. Это здесь, у западного фасада, часы самые обычные, как у деда в гостиной. А если нырнуть под арку и поглядеть на башню с другой стороны, так там, справа от циферблата, сейчас целое представление начинается. Кукольный театр, чудо средневековой механики. Петух орет, шут лупит в колокол, а после медведи с рыцарями в пляс пойдут. Потому и велел Тони ждать именно тут, чтобы среди туристов не потеряться.

– Бом-м-м!..

Полдень!

– Я уже здесь!

Курц!

* * *

– Точно никого не было? Ты никуда не уходил?

Хинтерштойсер поглядел грустно, и Тони решил не усугублять. Достал из пиджачного кармана примятый желтый бланк, поднял повыше.

– Я с главного почтамта. Догадайся, кто телеграмму прислал?

Андреас задумался, но ненадолго.

– Если не герр обер-фельдфебель, то... Кто-то из наших? Тогда Генрих Харрер, некому больше. Мы же только ему сообщили, куда собираемся.

– Угадал.

Курц развернул бланк, положил на ладонь:

– А теперь читай! Начало можешь пропустить, там все понятно. А вот дальше...

Андреас взял телеграмму, повернулся к солнцу, от тени подальше.

– И я бы так написал. «...И пусть не лопнет натяжной трос!» Завидно парню!.. Дальше, говоришь? «Ледовое поле – возможен камнепад. Каски!» Каски?! Они что, с Джоном Гиллом сговорились? Да кто же в касках на скалы ходит?

Тони забрал телеграмму, спрятал, вверх поглядел – на карнизы, что протянулись вдоль всей улицы. Хинтерштойсеру внезапно представилось, как тяжелая каменная кромка беззвучно отрывается от стены, распадается на неровные острые обломки...

– В Аппалачах уже ходят, – задумчиво проговорил Курц, не отрывая взгляда от ровного ряда крыш. – Гилл, как ты помнишь, считает, что летом ледяные поля особенно опасны. Подтает – и посыплется прямо нам на головы. А каски нужны не такие, как в армии, а полегче, поудобнее... Было бы время, занялся бы... Кстати, сколько сейчас времени?

– Десять минут первого, господа, – отозвался молодой женский голос. – Немного опоздала, извините. А каски я привезла.

⁵⁵ Петух кричит, естественно, по-немецки.

* * *

... Синяя шапочка-чепчик, миниатюрная квадратная сумочка, тоже синяя. Бежевое «лётное» платье. Сама же худая, как спичка, хоть об коробку зажигай. Голубые глаза – бледное северное небо. Носик-пуговка, резко очерченный маленький рот.

– Баронесса Ингрид фон Ашберг-Лаутеншлагер Бернсторф цу Андлау. А ваши фотографии, господа, я в газете видела.

Вначале взглянула на Тони, потом на Андреаса... Хинтерштойсер сглотнул. На вид девице хорошо если восемнадцать, а голосок такой, что герру обер-фельдфебелю самое время пойти перекурить.

– Я... Мы очень рады, баронесса, – первым нашелся Курц.

Носик-пуговка дернулся:

– Только, пожалуйста, без феодальных пережитков. Всех своих знакомых я уже отучила. Труднее всего было с моим кузеном, у него характер еще хуже, чем у меня самой. Ничего, справилась!.. Ингрид – и не иначе!

– Андреас!

– Тони!

Ладонь баронессы была холодной и твердой, словно остывший к вечеру гранит. Хинтерштойсер отделался легко, одним пожатием, Курца же просто так не отпустили.

– Тони... – задумчиво проговорила девушка, не убирая ладони. – Но вы же не американец? У вас нормальное имя есть? У меня на американцев, признаться, аллергия.

Курц только моргнул и Андреас кинулся на выручку.

– Так точно, Ингрид! Горный стрелок Курц в крещении – Антониус. По имени святого, но не Египетского, а Падуанского. У нас в Баварии его очень почитают как покровителя младенцев. В Хайдльфинге в честь святого Антониуса капеллу построили, очень, знаете, красивая!..

Ингрид дрогнула губами, словно пробуя имя на вкус.

– Антониус... Сразу запахло ладаном. Но все же лучше, чем Тони, так только пуделя можно называть. Договорились!

Руку отпустила. Курц, воспользовавшись моментом, показал другу Андреасу кулак.

– А теперь, господа, вернемся к тому, с чего начали. Сейчас уже не десять минут первого, а четверть. Я проголодалась. Где тут поблизости приличный ресторан?

От любительницы кефира отбиться удалось сравнительно легко. Но здесь был совсем другой случай.

Курц понял это сразу.

И Хинтерштойсер понял.

5

– Ты ему не верь. У него глаза плохие.

– Такие же, как у меня.

Маленькая комната, большое, во всю стену, окно. Светлый линкруст, по потолку – разноцветные полосы, узорный линолеум на полу. На стене – зеркало, на другой – фотографии в деревянных рамках. Люстра: стеклянная капля, короткие бронзовые цепи. Кровать, возле нее – столик, чуть дальше – этажерка с книгами. Шифоньер – узкий пенал стоймя. Два стула.

– Не такие. Он совсем другой, Кай. Какой-то темный... И руки дергаются.

– Клоун Белый, клоун Черный... Как в фильме. «Laugh, Clown, Laugh!» Не смотрела? И не стоит, он для самых маленьких... Это, Герда, называется «контрастность», искажение восприятия. Загляни в книжку.

Девочка сидит на кровати, подушка под спиной, на простыне – пепельница, зажигалка на столике.

Курит.

Мужчина возле окна, на стуле. Белая рубашка, ворот расстегнут. В руке – сложенная географическая карта.

– Надо сделать все, что он сказал, но наоборот.

– Наоборот – это никуда не ехать. Если меня арестуют, я, может, и выкручусь, убегу. А вот тебя могу не спасти. И Королева не сможет. Отправят в приют, изменят имя. Или хуже – в лагерь, говорят, уже и до этого дошло.

Девочка долго молчит, наконец, не глядя, тушит сигарету в пепельнице.

– Расскажи еще раз.

– У нас есть два дня, чтобы пересечь границу. Границ много, но в Чехословакию нельзя, и в Австрию нельзя. Польша – далеко. А во Францию ехать опасно, французы ввели особый режим на границе, пускают не всех. Мы – германские подданные. Если что-то случится, могут интернировать. Знаешь, что это, или объяснить?

Девочка морщится, качает головой. Пальцы тянутся к сигаретной пачке. Смотрит на мужчину, ловит его взгляд. Пальцы отдергиваются.

– Я знаю это слово, Кай. Королева будет ждать нас в Швейцарии. Но почему мы должны ехать именно туда, куда велел... герр Пейпер? Переедем границу – и свободны.

– Мы должны отвезти в Швейцарию одного человека. Ему тоже грозит арест. В Швейцарии мы не будем свободны. За границей тоже опасно, у нацистов там полно агентов, поэтому большие города, Берн, Женева, Цюрих, отпадают. Гандрий... Герр Пейпер забронировал номера в горном отеле, два километра над уровнем моря, приют для альпинистов. В любом случае этого человека мы должны переправить через границу и доставить в Швейцарию. Я обещал.

Сигаретная пачка в руке, девочка взвешивает ее на ладони, думает. Кладет на столик. Пожимает худыми плечами.

– Если обещал, то и говорить не о чем. Я еще маленькая, меня никто не станет слушать, даже ты, Кай. А мне всё не нравится. Если бы герр Пейпер... Если бы твой брат и в самом деле хотел тебе помочь, то сделал бы так, чтобы никто не знал, где мы. И прежде всего, он сам. Представь, Кай, что все это – не в жизни, не по-настоящему, а в книжке про шпионов. Я бы и читать дальше не стала. Ясно, что ловушка. Мышеловка!

– Мы не в книжке, Герда. В жизни все куда проще. Зачем посылать нас в мышеловку, когда можно арестовать прямо сейчас? И... Не хотел говорить, но если ты права... Нам не позволят нарушить план. Их план! Или мы ему следуем – и уезжаем, как велено и куда велено, или... Или они найдут и отправят в Швейцарию другого человека с маленькой девочкой. Не такой умной – и конечно же некурящей... Вещи сама соберешь – или мне помочь?

Мужчина встает, пытается улыбнуться, затем идет к двери, берется за блестящую медную ручку.

– А тебе – спасибо. За «папу».

Девочка отворачивается, глядит в окно.

– Вещи я соберу сама.

* * *

Кай и Герда познакомились в Шанхае. Ей четыре года, ему – двадцать. На нем – новый черный костюм, пошитый к свадьбе, на ней – синее платье-«матроска», белые полосы на воротнике, белый бант на груди.

Их представили. Марек Шадов протянул руку, улыбнулся. Гертруда Веспер взглянула исподлобья:

– Ты еще один дядя?

«Она очень хорошая, – предупредила жена. – Но... Вообрази, что это я. О'Хара и мистер Мото не договорились, началась война, и мы с тобой случайно встретились».

Марек присел, согнал с лица ненужную улыбку. Поглядел прямо в светлые глаза-ледышки.

– Не «еще один». Ты поверь, а я очень постараюсь, чтобы это стало так.

Гертруда Веспер немного подумала.

– А пожимать руку – обязательно?

– Нет, – усмехнулся он. – Совершенно необязательно!

– Тогда держи!

И она протянула ладонь.

6

Женщина попыталась заснуть. Выпила лекарство, задернула занавеси. В номере сразу же стало темно, слишком темно, и она выпустила внутрь узкую полоску солнечного огня. Разделась, легла на кровать, прикрыла веки. Но свет не исчез, превратившись в большое желтое пятно с рваными краями, словно кто-то плеснул краской прямо в зрачки.

Открыла глаза, наскоро вспомнила, какие лекарства еще есть в сумочке. Телефон на столике, можно поднять трубку и вызвать врача.

На какой-то миг стало страшно. Ей скоро тридцать.

Всего только...

Уже...

Она носит с собой целую пригоршню упаковок с таблетками, каждые полгода ложится в клинику, читает медицинские журналы. Что будет через год? Через три? Стоит ли оно того? Ей все время кажется, что лучшее впереди, но дни сгорают один за другим, и сегодня ничуть не лучше, чем вчера.

Мысли прогнала. Она делает что хочет, идет своей дорогой, добивается всего, чего желает. А это – главное. Иначе... А иначе не было бы ничего – как и ее самой. «Проститутка из портового борделя, которая ничего не умела и всего боялась». Она не простила О'Харе этих слов, но босс был прав. Ошибся в другом – нельзя лепить из глины собственное подобие, а после оживлять. Големы злопамятны...

– Война – отец всему, – сказал как-то О'Хара. – Не помню, чья мудрость, но это действительно так.

– Гераклит Эфесский, – не думая, отозвалась она. – Если полностью: «Война – отец всему и царь».

Их последний год в Шанхае. Вместе уже давно не живут, у него в особняке – очередная любовница, девчонка-китаянка, она купила маленькую квартирку во французской концессии. Узкий переулок, выходящий на авеню Жоффр, третий этаж, дверь с двумя замками. С боссом виделись на службе, но иногда, и такое случалось, он просто заходил поболтать. Зашел и сейчас. Поцеловал в щеку, выставил на стол бутылку светло-красного «Dynasty Cabernet Sauvignon», ее любимого.

Присел в кресло – нога за ногу, подбородок вверх.

Закурил.

Пепельницы в квартире не было, и она поставила на табурет обычное фарфоровое блюдце.

– Гераклит Эфесский... – О'Хара прищурился, резким движением стряхнул пепел. – Иногда на тебя страшно смотреть, Лиззи.

Она была Ильзой, но босс называл ее только так.

– Когда мы впервые встретились, ты была голая, с синяком на левом боку, и от тебя скверно пахло. Пришлось отправить тебя под душ. Потом ты училась шлепать на пишущей машинке, затем спросила у меня, что такое двойная бухгалтерия и чем она отличается от тройной... А не так давно я сообразил, что ты танцуешь вальс лучше, чем я.

Она слышала это не в первый раз. Пожала плечами, открыла сервант, чтобы достать рюмки.

– Ты недоволен?

О'Хара захохотал, громко, привычно, но смех на этот раз показался ей каким-то ненастоящим, словно жестяным. Затем стер улыбку с лица.

– Если бы у меня был такой сын, Лиззи, я бы горя не знал. Но мой балбес только и умеет, что гонять на спортивном авто и тратить мои деньги на модные галстуки из магазина на Грин-стрит. В детстве он любил отрывать крылья у бабочек. Думал, поумнеет, увы... Но я пришел не жаловаться. Скоро мне уезжать из Китая, а поэтому... Есть разговор, Лиззи!

Золотисто-зеленое вино, мягкое цветочное послевкусие. Сизый табачный дым, негромкий спокойный голос. В таком тоне босс беседует только с самыми серьезными клиентами. Сделка на миллион...

– Ты каждый день задаешь много вопросов, Лиззи. Не все они мне нравятся, но я отвечаю, куда деваться? Ты теперь незаменимая, сам вырастил, сам воспитал. Но ты ни разу за эти годы не спросила, ради чего, ради какой цели я приехал в Шанхай. Деньги? Само собой, как без них? Война – отец всему. Китайцы воюют, а значит, платят. Но когда я запретил продавать оружие генералу Янгу, ты даже не поинтересовалась причиной. А ведь это очень большие деньги – и они достались не нам.

– Ты бы все равно не ответил. Сам вырастил, сам воспитал. Есть вопросы, которые не стоит задавать, потому что ответ и так ясен. А есть такие, которые просто не надо задавать.

Рюмки еще не опустели, однако он налил вновь, до самых краев, плеснув на скатерть. Поставил на стол блюдце, зажевал мундштук папиросы.

Взглянул – прямо в глаза.

– Когда я был мальчишкой, то часто думал, что значит стать настоящим мужчиной. Вначале, сама понимаешь, дальше колыта в кобуре и одноклассницы на сеновале не мечталось. Потом... Потом я уехал в Европу вместе с парнями генерала Першинга. Добровольно, даже медицинскую справку подделал, чтобы взяли. Солдаты – вот истинные мужчины! Если бы... Нет, Лиззи, солдат – крыса, он огрызается, потому что его загнали в угол.

– И ты решил стать тем, кто загоняет в угол?

Они выпили. Она пару глотков, смакуя, О'Хара – залпом, до дна, явно не чувствуя вкуса. Выдохнул, взял папиросу, затянулся.

– Людей загоняют в угол политики, вся эта выборная сволочь, у которой есть единственный талант – врать в глаза. Такое дерьмо не по мне. Хочешь, расскажу, что такое настоящий мужчина?

Усмехнулся, блеснув крепкими зубами, пододвинулся ближе.

– Ты – настоящий мужчина, если к тебе сбегает чужая жена – прямо из-под венца, из главного столичного собора, чтобы провести брачную ночь не с мужем, а с тобой, в грязном купе второго класса!

Она сделала еще глоток, щелкнула ногтем по стеклу:

– Амен! Это высшее достижение настоящего мужчины?

О'Хара ответил неожиданно серьезно:

– Не достижение, Лиззи. Всего лишь показатель возможностей. Через много лет этот мужчина расстелил на столе карту мира, задумался – и ткнул пальцем в Европу. Зачем? Он решил устроить там большую войну. Ничего личного, просто business. Наметил победителей, побежденных, составил смету...

– А тебя он отправил в Китай?

Мужчина, неспешно встав, потянулся, хрустнув костями, положил на плечо женщине тяжелую ладонь.

– Есть вопросы, которых просто не надо задавать. Другое важно, Лиззи. В Китае мы сделали все, что хотели, – и взяли все, что могли. Скоро сюда придут японцы, и начнется пир трупоедов. А я стал достаточно силен, чтобы самому ткнуть пальцем в карту. Ты можешь остаться здесь, можешь уехать подальше и обо всем забыть... И можешь поехать вместе со мной! Ответ – сейчас, причем только «да» или «нет».

Она не спешила. Допила вино, взяла папиросную коробку, прикусила зубами бумажный мундштук. Зажигалка выстрелила синим огоньком, но с первого раза прикурить не удалось. Она щелкнула еще раз, еще...

7

– Я убедилась, господа, что мужчины – существа, совершенно не приспособленные к жизни, – изрекла баронесса фон Ашберг, закуривая сигарету, вставленную в чуть ли не полуметровый янтарный мундштук. – Не возражайте. Как говорят материалисты, практика – критерий истины.

Подали кофе. Если с обедом как-то обошлось, то с кофейной картой случилась накладка. Ингрид, изучив ее вдоль и поперек, нахмурилась, подозвала официанта, тот сбегал за мэтром...

Хинтерштойсер с опаской взял с блюда маленькую невесомую чашечку. Принюхался, отхлебнул... Кофе себе и кофе!

– Вы лучшие альпинисты во всей Германии, – чеканила далее баронесса. – Вы собрались брать Норванд. И что я вижу? Двух плохо одетых молодых людей в костюмах из деревенской лавки и в несвежих рубашках. Я уже не говорю об одеколоне, которым вы пользуетесь. Держу пари, что брились вы в вокзальном туалете!

Андреас едва не подавился. Отставив кофе, полез за сигаретами, но в последний момент передумал. Киоск, где они были куплены, находился как раз у входа в мужской туалет на Банхофплац.

– У вас есть тренер? Врач? Пресс-атташе? Вы хотя бы забронировали номера в отеле?

Курц явно хотел возразить, но Ингрид махнула мундштуком, словно фокусник – волшебной палочкой.

– Не надо, Антониус! Я вполне представляю, что сейчас услышу. Вы, господа, чем-то похожи на моего кузена, которого я уже имела честь упоминать. Брутальность, самоуверенность, даже наглость – и плохо сидящий пиджак. Правда, в отличие от него, вы кажетесь куда более воспитанными. Это несколько обнадеживает.

Теперь уже и Хинтерштойсер был готов подать голос. В конце концов, кто здесь лучший альпинист? Открыл рот... И закрыл, заметив, как Тони подносит палец к губам. Ингрид, однако, тоже увидела.

– Говорите, Андреас, говорите! Вам некогда думать обо всей этой суете, вы мыслями уже на склоне, вбиваете крючья в лед... Кстати, господа, если что-то пойдет не так, кто вас будет вытаскивать? Швейцарские спасатели, насколько мне известно, отказываются идти на Эйгер. В газетах пишут, что местные гиды из Гриндельвальда прямо заявили, что подъем на Стену – это самоубийство, а самоубийцы не по их части.

Хинтерштойсер вновь собрался с силами, дабы ответить, но его опередил Курц.

– Мы это знаем, Ингрид. На Северной стене многие уже погибли, среди них и наши друзья. Мы не будем жить в отеле, мы плохо одеты, у нас нет врача, и нас никто не станет спасать. Мы такие, как есть, я и Андреас. И мы пойдем на Стену. Возможно, мы вас разочаровали... Извините!

Их взгляды встретились, и Хинтерштойсеру почудилось, что бледное северное небо в глазах баронессы на какой-то миг затянуло тучами. Как будто эта девушка увидела нечто, им недоступное. Неотвратимое. Страшное...

Почудилось! Ингрид фон Ашберг стряхнула пепел с сигареты, дернула плечами.

– С вами все ясно, господа! Хоть не хочется, а придется. С этой минуты вы оба – под моей опекой!

– Не-е-ет! – в единый голос, единым дыханием.

Баронесса улыбнулась:

– Да!

8

– Крабат!.. Кра-а-абат!..

Серая гладь старого омута, зелень влажной травы, черные трухлявые бревна рухнувшего сруба. Между бревнами – тоже трава, юркий выюн, острый пырей. Сырость, ветхость, забытие...

– Кра-а-абат!.

– И что дальше? – спросил он у сна. – Идти на мельницу? И куда? В Шварцкольм или Хойерсверд? Так и знал, что приснится! Встретил брата, замутил душу...

– Крабат – не он. Крабат – ты. Крабат!.. Кра-а-абат!..

Он отмахнулся, словно от мухи, но сон не хотел уходить. Зелень загустела, потекла перед глазами, рухнувшие бревна беззвучно взмыли в воздух, складываясь в призрачные стены.

...Потолок, неровный темный пол, на окнах наглухо закрытые деревянные ставни. Боченок, плашка со свечой, яркий синий огонек.

– Только не говори, что никакой мельницы не было, – Мастер Теофил, отхлебнув из глиняной кружки, вытер бледные губы рукавом камзола. – Даже если и так, Крабат. Ты видишь то, о чем знаешь. Твой предок Иоганн Шадовиц никому не рассказал, что случилось на самом деле и каков был наш с ним поединок. Пусть будет мельница!

– Пусть, – согласился он, присаживаясь на ветхую колченогую скамью. – В сказках, которые уже никто не помнит. Не знаю, что за год в вашей преисподней, но в мире сейчас 1936-й. В Германии правят наци, а все ваши мельницы с колдунами – детские страшилки по сравнению с Дахау.

Мастер отставил кружку, наклонился вперед. Зрачки полыхнули синим огнем.

– Ты сам это сказал, Крабат! Немцы выбрали свою судьбу – и поплатятся за это. А сорбы, наш народ?

Он вовремя вспомнил, что сон – всего лишь разговор с самим собой. Спорить не с кем, да и незачем. Сорбы – малая капля в чужом враждебном море, он, Отомар Шадовиц, – пылинка, подхваченная ураганом. Что он мог сделать? Что могли сделать все они, несколько тысяч, среди миллионов и миллионов?

Старая затертая треуголка дрогнула – Мастер Теофил кивнул, соглашаясь. Прищурился, скривил рот:

Bitwu bijachu,
horcu, zeleznu,
nehdy serbscy wotcojo,
wojnske spewu spewajo.

Sto nam pojda wase spewu?

Не пропел, проговорил хриплым шепотом. Блеснул синим огнем глаз:

– Когда-то это написал твой двоюродный прадед. Сорбский еще не забыл, Крабат? Или перевести на общепонятный?

– Замолчи! – выдохнул он. – Не смей!..

Хохот, тоже хриплый, словно вороний гай.

– «Битвы жаркие, в огне и железе, поминали вы, предки-сорбы, песнями ратными. Кто теперь споет нам ваши песни?» И вправду, кто? Один человек ничего не изменит, верно? Проще уехать, изменить имя, изменить Судьбу, изменить Судьбе. Ты уехал... А вот Иоганн Шадовиц вернулся домой, не стал жить в цесарской Вене. Всего один человек! Но – совпадение! – уже его дети читали и писали по-сорбски. Книги, первые школы, газеты, сборники народных песен, в храмах – служба на сорбском языке. Наш гимн... Все твои предки, кажется, учителя?

Отмар Шадовиц не удивился. Сон есть сон, это его мысли, его боль.

– Против нацистов нужны были не книги, а пулеметы. Но и они бы не помогли, нас мало, слишком мало. Германия обезумела, даже если бы каждый сорб взял винтовку... Нет, не спасло бы!

Треуголка вновь кивнула, отзываясь дальним хриплым граем.

Бога Черного,
Царства древнего
Позабыт алтарь.
Крячут вороны, камень мхом зарос.
Бог ушел от нас.

Синева сплелась с зеленью, сырость пахнула холодом, бревенчатые стены надвинулись, нависли тяжелой горой.

Он встал, мотнул головой, прогоняя морок.

– Вспомнил! «Теофил» – имя-оборотень. По-гречески – «Боголюбивый», но если по-немецки...

– Teufel! – шепнул морок. – Teufel! Когда-то ты победил меня, Крабат, но теперь мой час.

Отмар Шадовиц понял, что нужно проснуться, – немедленно, сию же секунду. Крикнул – что есть сил, напрягая горло.

– ...Ты оставил свой народ и сам пришел ко мне, Крабат! Кра-а-а-бат!..

Все сгнуло. В краткий миг между сном и явью он увидел желтое пшеничное поле, а за ним – красные черепичные крыши родного городка. Голос – детский, беззаботный, проговорил нараспев, словно читая молитву:

– В незапамятные времена упал с неба камень и раскололся. Из-под осколков выбрался Крабат и зашагал по земле. С тех пор он среди людей и делает то, что велит ему совесть...⁵⁶

* * *

Документы и ключи Марек Шадов нашел в своем почтовом ящике. Конверт плотной желтоватой бумаги, адрес готическим шрифтом – черная тушь, аккуратные завитки, – серая бечевка. Обратного адреса на конверте не было, но это ничуть не удивило. Оставалось выйти на улицу и взглянуть, но Марек преодолел соблазн и поднялся обратно, на второй этаж.

⁵⁶ Из легенды о Крабате.

Коридор, дверь налево.

Тук! Тук!..

Курит? Курит!

– Туши сигарету, одевайся и причешись. На все – три минуты. Время пошло!

Хотел поглядеть на часы. Не стал – успеет, проверено опытом. Поглядел вперед, на дверь в большую комнату. Именно над ней можно повесить оленьи рога, о которых говорил брат. Что ни говори, а единственная память о «барском доме», в котором жил отставной полковник Шадовиц. Все прочее вместе с самим домом давным-давно в чужих руках. Прикинул – нет, не подойдут, придется через весь коридор идти, чтобы шляпу пристроить. Жаль! Входишь в дом – и представляешь, что на острых рогах красуется старая полковничья треуголка с выцветшим от времени кантом...

– Две минуты сорок секунд, Кай!

– На выход! Встречаемся у подъезда. И не вздумай прыгать через ступени.

Он замешкался у дверей, закрывая замок, и только вздохнул, услышав звонкое «шлеп!». Не отучишь! Прямо на середине лестничного пролета взяться руками за перила – и в полет с полуоборотом вправо...

– Герда, у меня когда-нибудь инфаркт случится!

– Только четыре ступеньки, Кай! Это же пустяки, – уже снизу, у будки привратника (не консьержа!): – Доброе утро, герр Гримм!

Стук! Входная дверь.

Когда Марек и сам оказался внизу, привратник, седой жилистый старик со сказочной фамилией, еще не успел стереть с лица улыбку. Увидев жильца, посуровел, кивнул ответственно:

– Доброе утро, герр Кай!.. О, простите, герр Шадов! Но утро все равно доброе.

Шутка была одна и та же, причем не первый год, но всем троим, включая Герду, нравилась.

Дверь первая, дверь вторая... Вот она! Светлое платье, светлые волосы, босоножки, наивный взгляд.

– На место встречи прибыла. А мы куда?

Марек поглядел по сторонам. Асфальтовая дорожка, справа – цветущая клумба, слева обвитый молодым плющом забор. Летом здесь красиво, и осенью красиво. И весной. Даже зимой неплохо.

Он вдруг понял, что сегодня видит ставший таким привычным двор в последний раз.

– А мы с тобой налево.

Девочка, словно почувствовав что-то, взглянула неуверенно. Не побежала, пошла рядом. Калитка, медная ручка...

– Мы на улицу? А зачем?

Отвечать Марек не стал – за калиткой все сразу прояснилось. Тротуар, липы-хворостинки, улица, пустая в этот ранний час.

– Ой! А это что такое?

Не хотел, а улыбнулся. Приятно дарить детям игрушки. Куклы Герде никогда не нравились, и Мареку приходилось каждый раз находить что-нибудь новое, неожиданное.

– Это, Герда, называется «автомобиль».

И сам поглядел. Есть на что! Квадратный кузов с черным верхом, длинный нос-мотор, увенчанный крылатой серебряной статуэткой, двойной бампер – серебряные губы, фары-глаза чуть навывкате. Пять колес – четыре где положено, пятое, запасное, на правом боку. А вот цвет сразу и не определить, то ли темный песок, то ли светлое дерево.

Девочка, внимательно оглядев игрушку, наморщила нос. Взглянула – снизу вверх.

– Кай! Я и сама вижу, что это «Lorraine Dietrich 20 CV», модель 1932 года. Но разве на таком можно ехать? Нас же каждый шуцман проверять будет!

Машина и в самом деле смотрелась вызывающе. Соседям целой недели на пересуды не хватит.

– Может, и не будет, – усмехнулся Марек Шадов. – Мы, Герда, к вопросу подойдем творчески.

Еще год назад она бы переспросила, но сейчас только кивнула. Опыт имелся. Поглядела на игрушку еще раз и подвела итог:

– Это не машина, Кай. Это целый броненосец.

– Тогда надо будет его как-то назвать, – рассудил Марек. – Имя сама придумаешь?

9

Держаться решили твердо – один за всех, все за одного. Андреас за Тони, тот за Андреаса. Говорить выпало Курцу, как самому красноречивому. Хинтерштойсер, политесам не ученый, был назначен в резерв. Задача простая: молчать и обозначать моральную поддержку.

Андреас отнесся к делу серьезно. Принял соответствующий вид, нахмурился, поднял подбородок повыше. Пока все шло по плану. Девять утра, площадь Бубенбергплац, длинные ряды авто, паровозные свистки, запах горящего угля. Совсем рядом иная «плац» – Банхоф, где мужской туалет, за нею вокзал.

Баронесса!

Платье уже иное, светло-желтое, покороче и попроще. И сумочка другая, платью в цвет. Шапочка исчезла, зато в волосах появилась нитка-диадема, белые камни на белом металле.

Мундштук тот же, полуметровый. Как и выражение лица.

– У вас странный вид, господа! – Тонкие брови еле заметно дрогнули. – Надеюсь, ничего критического? Нет? Тогда могу я попросить список вчерашних и сегодняшних покупок?

Хинтерштойсер напрягся. Давай, Тони, давай! Просто и ясно: «Нет!» Если надо, то «Нет, нет и нет!» А там и он подключится.

– Ингрид! Вы нас, конечно, извините...

Андреас чуть не застонал. Тони, Тони, не время для дипломатии! Ты же не фон Нейрат!..⁵⁷

– Вы – хорошая девушка. Замечательная и очень красивая! Но...

– Ясно! – Баронесса поджала губы, взглянула брезгливо. – Мужской шовинистический бунт. Стоило оставить вас одних, и вы тут же сговорились. Что там на повестке дня? Не умываться, не бриться и не менять носки? А «замечательную» и особенно «очень красивую», Антониус, я вам еще припомню, обещаю.

Еще не поздно было дать отпор зарвавшейся гордячке, но секунды текли, Курц почему-то молчал, северное небо в глазах баронессы затягивалось тяжелым льдом. Андреас вдохнул, выдохнул...

Гори они огнем, все планы!

– Послушайте, Ингрид! Не знаю, хорошая вы или нет, мы с вами на танцы не ходили. Но вы – человек. Настоящий! Никто нам не помог, вы помогли! И с деньгами, и что сюда приехали. И каски эти... Вдруг и в самом деле сгодятся? Спасибо! А сейчас помогите нам еще раз...

– ...Перестаньте мешать и убирайтесь отсюда к дьяволу!

Девушка отвернулась, провела кулачком по глазам и внезапно всхлипнула. Негромкий стук – мундштук ударился об асфальт. Курц рванулся вперед, но Андреас схватил его за руку.

⁵⁷ На тот момент – министр иностранных дел Рейха.

– Ингрид, не надо! – выдохнул. – После Эйгера, если живы будем, делайте с нами, чего захотите, хоть манной кашей кормите три раза в день. Я согласен! Но сейчас... Понимаете, мы вроде пуль, которые из ствола уже вылетели...

Баронесса, не оборачиваясь, кивнула, нащупала сумочку. Негромко щелкнул замок.

– Перешли на военный язык, Андреас? Что ж, значит, настало время для тяжелой артиллерии.

Бумаги, вчетверо сложенные. Одна, другая, третья. Ингрид взвесила их на ладони, ударила сухим тяжелым взглядом.

– Наверно, следовало с этого начать, господа. Но мне, человеку наивному, казалось, что я ничего особенного не прошу. Только одно – дать возможность вам помогать...

Курц попытался что-то сказать, но девушка мотнула головой.

– Молчите, Антониус. Я на вас очень зла. Нельзя лгать в глаза! Сказали бы просто: «сопливая девчонка». Но дело сейчас не во мне... Деньги, которые я вам прислала, собраны в трех странах – в США, во Франции и у нас, в Германии. Там не триста марок, гораздо больше. В воинскую часть об этом писать было нельзя. Сами видите, какое сейчас время! Поэтому попросили меня, ничем не замечательную сопливую девчонку. Да что я рассказываю, читайте!.. Это списки тех, кто внес деньги, и в каждом, обратите внимание, упомянуты мои полномочия, как полноправного представителя ваших друзей. Берите!..

Андреас промешкал – и бумагу ему сунули в руку.

...Сверху заголовок – большие черные буквы, в самом низу – синие печати, между ними – фамилии и цифры. Английский язык Хинтерштойсер знал с пятого на десятое, но имена разобрать конечно же смог. И сразу же стало жарко. Дэвид Росс Брауэр, герой Высокой Сьерры, Вильям Бланшард, покоритель скал в Йосемити, Лестер Герман, физик-альпинист... Джон Гилл оказался пятым. Всего же – двенадцать фамилий. Андреас хотел уже отдать документ, но не удержался – посмотрел на последний абзац. Вчитался. Когда же смог оторвать взгляд, то из жара его кинуло в холод.

Он и она, Ингрид и Курц. Рядом, считай, нос к носу. Он что-то говорит – негромко, чуть ли не шепотом, она слушает, кусает губы.

...Тяжелая каменная кромка карниза беззвучно оторвалась от стены, неровные острые обломки врезались в податливый теплый воздух...

Андреас кашлянул. Не помогло. Кашлянул погромче.

– Вы там еще долго? Список правильный, и ребята правильные. Одного я не понял. Вы, Ингрид, сказали, будто вы представитель. А здесь написано, что глава какого-то международного комитета и председатель фонда. Это у меня английский неправильный?

Подумал – и поднял с асфальта мундштук, раз Тони не догадался.

– Не важно!

Баронесса отстранилась, поправила диадему. В глазах вновь – холодное северное небо.

– Вас не переделать, господа. Меня тоже. Но договориться мы все-таки должны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.